

Гортензия

Автор:

Жак Экспер

Гортензия

Жак Экспер

Триллер для всех

Однажды в квартиру Софии ворвался ее бывший возлюбленный, украл их общую дочь Гортензию и скрылся. Полиция пыталась выйти на след похитителя, но мужчина с ребенком словно испарились, а жизнь матери была разрушена. Много лет спустя София столкнулась на перекрестке с девушкой и сразу поняла – это она, ее пропавшая дочь. Материнское сердце врать не может. София знакомится с девушкой и все больше и больше убеждается в том, что не ошиблась. Только не все пазлы в этой истории складываются. София никак не может понять, как этот мерзавец смог повернуть такую авантюру – неужели ему помог кто-то из ее близких?

Жак Экспер

Гортензия

Показания г-на Бернара Дюпуи,

25 июня 2015 г. Выписка из протокола.

Мы[1 - Использование личных местоимений множественного числа относится к особенностям стилистики французских официальных документов и деловых писем. - Здесь и далее примеч. пер.], Фредерик Суссен, лейтенант полиции, сотрудник судебной полиции в составе Бригады по борьбе с уголовными преступлениями г. Парижа, 75001, письменно подтверждаем, что Бернар Дюпуи прибыл для дачи показаний 25 июня 2015 г. в 14.00.

Мое имя - Бернар Дюпуи. Я родился 28 марта 1930 года в городе Люневиль, департамент Мерт и Мозель; в настоящее время - комиссар в отставке, проживаю в городе Бордо, 33200, в доме № 186 по улице Пастера. В течение трех лет я занимался расследованием дела о похищении Гортензии Делаланд, родившейся в Париже 7 мая 1990 года и похищенной из дома ее матери на улице Мучеников, № 42-бис (75009, Париж), в четверг 11 марта 1993 года. [...]

Мадам Делаланд после этого ужасного события находилась в шоке, однако, несмотря на свое состояние, она отказалась поехать в больницу, прежде чем мы возьмем у нее показания, и здраво и взвешенно изложила нам все детали произошедшего. Она без малейшего сомнения назвала имя преступника и предоставила о нем всю информацию, которой располагала.

Потерпевшая была крайне слаба: открытые раны на икре и ступне, а также на задней стороне черепа требовали врачебного вмешательства. Не меньше нуждалась женщина и в помощи психолога, хотя это никак не отразилось на ее показаниях - логичных и четких.

Я хорошо помню момент, когда ее забирала скорая: она словно утратила самообладание и разрыдалась, умоляя вернуть ей дочь и не переставая повторять, что та была единственным смыслом ее существования. [...] Мне пришлось заверить потерпевшую, что мы быстро найдем ребенка, что это вопрос нескольких часов. После этого она успокоилась и безропотно отдала себя в руки медиков. У меня и сейчас стоит перед глазами эта картина: мадам Делаланд лежит на носилках, прижимая к груди бежевого плюшевого медвежонка, в то время как санитары с трудом протискивают их по узенькой лестнице. [...]

Сначала мне действительно показалось, что раскрыть дело будет легко. Личность похитителя была установлена, и теперь все решало время. С момента похищения прошло уже несколько часов, и мы немедленно организовали

проведение оперативно-разыскных мероприятий по определению местонахождения подозреваемого. Срочность в подобных делах крайне важна, и необходимо как можно скорее выйти на след преступника, поскольку успешный исход операции целиком зависит от действий, предпринятых в первые часы после покушения. [...] Разослав ориентировки, мы тщательно осмотрели квартиру, но ничего существенного не обнаружили. В безупречно убранной детской присутствовали явные следы похищения: одеяло было сдвинуто, белье помято, на подушке осталась вмятина от головки ребенка, который там спал еще несколько часов назад, и мы даже собрали с нее несколько светлых волосков, очевидно принадлежавших Гортензии Делаланд, чьи многочисленные фотографии нам предоставила мадам Делаланд. [...]

Осмотрев квартиру, мы перешли к опросу соседей. [...] Все они подтверждали сказанное Софией Делаланд. Она жила одна вместе с дочерью, которую очень любила, на взгляд некоторых жильцов, даже чрезмерно. [...]

Дело это – просто невероятно, я до сих пор не в состоянии осмыслить то, что недавно узнал. [...]

1

София

Свинцовые облака вновь накрыли Париж зловещей тенью, уже и Монмартр почти скрылся из виду. В такую погоду у меня неизменно портилось настроение. Казалось, через мгновение город погрузится в непроглядную тьму, хотя не было и семи вечера. Подумать только – в прошлое воскресенье мы перешли на летнее время! Вот и первая тяжелая капля упала за воротник моей серой полотняной блузки. Стоило поторопиться, чтобы не попасть в грозу, – она неумолимо надвигалась, была рядом. К счастью, и дом мой находился недалеко – крошечная квартирка на улице Мучеников, где я жила уже много лет.

Как всегда по вечерам, выйдя из метро на станции «Анвер», я направлялась по улице Трюден, потом сворачивала налево, чтобы забежать в ресторанчик азиатской кухни, где покупала пять немов[2 - Нем – блюдо вьетнамской кухни

наподобие фаршированного блинчика, но меньшего размера.] – мой ежевечерний рацион, не считая яблок «Гренни Смит», которыми я по субботам запасалась в лавке «Фруктовый сад» на Монмартре. Я спешила подняться в свою квартиру на четвертом этаже дома номер 42-бис, никогда не прибегая к услугам лифта. В моем возрасте – через три месяца мне исполнится пятьдесят один – небольшая зарядка не помешает. И потом, я не выношу замкнутого пространства, тем более такого крохотного, как кабина лифта. Установили его четыре года назад, и, насколько я помню, пользовалась я им всего два-три раза. Мне всегда было страшно застрять и остаться в нем навеки.

Каждый мой вечер в точности повторял вчерашний, и завтрашний должен был пройти так же. Но мне и не требовалось ничего другого, меня вполне устраивала эта монотонность, она мне подходила. А вот в выходные была просто беда. Выходные тянулись бесконечно, хотя я и заставляла себя после обеда проделывать путь до площади Тертр[3 - Одна из самых посещаемых достопримечательностей Парижа, на ней работает множество уличных художников, шаржистов и пр.] – и по субботам, и по воскресеньям, в любое время года, несмотря на проливной дождь или адскую жару. Мне нравилось бродить среди уличных художников, которые всегда меня дружески приветствовали. Ходила я туда с незапамятных времен (и правда очень-очень давних), и все меня узнавали, приветливо кивая головой. Они не заговаривали со мной, но улыбались, и этого было довольно. Да и кто я для них? Странноватая пожилая дама, которая все уик-энды проводит среди бродяг. Может, они даже слегка меня побаивались?

Меня развлекало нескончаемое паломничество туристов, особенно тех, кто заказывал портреты, а то и карикатуры, за которые они не задумываясь отваливали кучу денег. Возвращалась я обычно по улице Лепик и потом выходила на бульвар Пигаль. О, я поименно знала местных зазывал, которые старались завлечь в свои «заведения» случайных простаков или подвыпивших прохожих. Могла я назвать по памяти и всех старых шлюх, чья судьба была еще печальнее моей. Порой они перекрикивались с товарками, и я легко запомнила имена. Не уверена, что и они меня не заметили – даму без возраста, которая по выходным неизменно посещала их владения.

Дама без возраста – это я. Невидимка. Без имени.

Вот кем я стала – ничем.

Я даже не призрак. Призраки в конце концов кому-нибудь да покажутся. Я – ничто, и уже очень давно. Но, прямо скажу, мне на это наплевать.

Больше того – меня это полностью устраивает.

Вернувшись домой к шести, я задергивала шторы и, растянувшись на диване, ждала времени ужина. По выходным у меня наготове была заморозка – каждого блюда хватало на два дня. Потом я какое-то время читала и ровно в десять отправлялась в кровать. Мне даже не приходилось смотреть на часы – старые наручные часы матери, умершей восемнадцать лет назад. Тогда я тайком, чтобы братья не увидели, сняла их с ее руки и спрятала в кулаке, до того как закрыли крышку гроба. Братья считали, что маму надо в них похоронить.

Что сказать о братьях? Старший – Пьер – умер во сне в результате остановки сердца. Вдова рассказывала, как она, проснувшись, обнаружила рядом мертвого мужа, чье тело еще не успело остыть. На погребении Пьера я не присутствовала, хотя и любила его больше, чем младших братьев – Филиппа и Сержа. Не пошла потому, что это стало бы для меня слишком большим испытанием. Не из боязни увидеть его в гробу – нет, а из страха встретиться с остальными, живыми. Со всей нашей семьей: отцом, обоими братьями с их женами и кучей шумной ребятни.

Я не выдержала бы их вопросов: «Чем ты занималась все эти годы?», не вынесла бы взглядов, физически ощущая тяжесть их мыслей о моей загубленной жизни. Нет, я не собиралась ни вызывать у них сочувствие, ни терпеть их жалость.

Всего этого я больше не хотела. Вот почему уже так давно все мосты сожжены.

Вернее, почти все: порой и до меня доходили кое-какие новости. Браки, рождения детей, поездки родственников друг к другу, но все это происходило далеко от Парижа, в провинции, куда я никогда не ездила, несмотря на регулярные приглашения. Признаюсь, в свое время родные мне очень помогли, поддержали в трудные времена, когда я в этом особенно нуждалась. Мне действительно не в чем их упрекнуть. И все же я продолжала жить вдалеке от них. Продолжала быть ничем.

Капли застучали чаще, самое время было спрятаться под козырек подъезда и раскрыть маленький черный зонтик.

Прибавив шаг, я мечтала поскорее прийти домой, где, стоя у окна, смогу с наслаждением наблюдать, как городом овладевает гроза.

Итак, я возвращалась на улицу Мучеников, безразличная ко всем этим людям, которые спешили, сновали рядом со мной, порой касаясь или задевая меня. Вдруг кто-то обошел меня столь энергично, что зонтик вырвался из моих рук и упал на тротуар. Этот кто-то обернулся. Молодая белокурая женщина. Кажется, она огорчилась. Я услышала, как она извинилась, пытаюсь подобрать мой зонтик, уже отнесенный ветром в сторону.

Незнакомка повторила извинение, улыбнувшись дружеской, такой славной улыбкой:

- Простите, мадам! У вас все в порядке?

Я была не в силах выговорить ни слова. Так и стояла – молча, неподвижно, и не сводила с нее напряженного взгляда, пока она приближалась, протягивая зонтик.

- К счастью, вроде бы не сломался, – произнесла она, а потом подняла на меня взгляд, встревоженная моей немой: – Я вас не ударила? С вами ведь все хорошо?

- Да, да, – только и удалось мне выговорить.

- Раз так, я, пожалуй, пойду? – спросила она, поправляя плащ, и стала удаляться.

Что я могла сказать? Мне, мол, известно, кто она? Или что я ее узнала? Что вне всякого, даже самого мизерного, сомнения эта молодая женщина – моя дочь? Ребенок, похищенный у меня двадцать два года назад...

Тогда Гортензии было два года и десять месяцев. Совсем скоро должно было исполниться три.

Я продолжала стоять в оцепенении, словно находилась под гипнозом, и смотреть ей вслед, пока мокрая от дождя белокурая головка не исчезла за углом улицы Трюден.

Только теперь я осознала, что не должна просто так дать ей уйти, я не могла потерять ее снова.

И тогда я побежала в надежде ее догнать. Гортензия все узнает!

На улице Мучеников я попыталась разглядеть ее в беспорядочной толпе людей, разбегавшихся кто куда в поисках укрытия. Мне самой дождь был нипочем, я его попросту не замечала. Наконец я увидела ее на углу Наваринской улицы и еле сдержалась, чтобы не закричать – громко, изо всех сил:

– Гортензия!

Показания г-на Сержа Делаланда,

родившегося 8 февраля 1971 г.,

представителя страхового агентства в Витре,

35506, 27 июня 2015 г. Выписка из протокола.

[...] София была старше меня на семь лет. У меня сохранились воспоминания о ней как о заботливой сестре, любившей со мной заниматься, ведь я был, так сказать, последышем в семье. Жизнерадостная, доброжелательная, но, увы, вряд ли хорошенькая, да к тому же еще и толстушка. Похоже, с годами она стала комплексовать на этой почве и по мере взросления окончательно замкнулась. Сделалась молчаливой, угрюмой, а нередко и агрессивной. Подруг у

Софии было мало, в школе над ней посмеивались, так что дом был ее единственным убежищем, хотя в ту пору она часто конфликтовала с нашей матерью. [...] Жить с ней было мукой, и, мне кажется, после ее отъезда на учебу в Ренн все вздохнули с облегчением. Позже она совсем перебралась в Париж, и с тех пор мы виделись очень редко. [...]

С рождением дочери София полностью изменилась. Она снова сблизилась с семьей. Как же гордилась сестра, что стала матерью! Казалось, будто она сама не верила своему счастью. София утверждала, что ей не было дела до того, что отец девочки их оставил – ее и маленькую Гортензию. Она жила только дочерью. В любви Софии было что-то чрезмерное, однако видеть ее счастливой доставляло всем нам удовольствие. Больше, пожалуй, было просто невозможно любить своего ребенка. Баловала она дочку страшно, проводила с ней все свободное время. Воистину Гортензия стала смыслом ее жизни.

Да и малышка была просто восхитительна: улыбчивая, веселенькая. Вся семья ее обожала. Родители сходили по ней с ума, и я помню, как они сражались с Софией за право время от времени брать ее к себе. [...]

Когда сестра потеряла Гортензию, для всех нас это стало большим потрясением. Мы как могли старались поддерживать сестру. Но мало-помалу она совершенно от нас отдалилась. София отвергала наше участие, и невозможно было понять почему. Мать довольно долго пыталась ее подбадривать, урезонивать, что ли, но все впустую. Соппротивление дочери приводило ее в отчаяние, и отец всегда говорил, что именно уход Софии из семьи свел мать в могилу. [...]

Что касается меня, то я уже много лет не встречался с сестрой и не имею о ней никаких новостей. [...]

2

София

Я только что уложила Гортензию. Пройдет меньше двух месяцев, и моей дочери исполнится три года. С каким же нетерпением мы обе этого ждали, и я – даже

больше, чем она. Каждый вечер мы вместе считали дни: их оставалось всего пятьдесят семь.

Трехлетний юбилей обещал подарить нам столько радости, был таким прекрасным поводом преподнести ей подарки. С самого ее появления на свет я праздновала день рождения Гортензии дважды в году – каждые полгода. Понимаю, это может показаться неоправданным и чрезмерным, но мне так хотелось показать дочурке, как сильно я ее люблю!

Как обычно, мы должны были встретить этот день вдвоем, только вдвоем. Да и кто был нам нужен, чтобы почувствовать себя счастливыми, испив каждую капельку этого чудесного дня?

Никто.

Конечно, и на этот раз я собиралась одарить ее, как фея. Подарки заготовлены были давно: иллюстрированные альбомы, выбранные среди изданий «Школы досуга»[4 - «Школа досуга» – издательство детской литературы.], милая цветастая блузочка и нарядный розовый ободок, который так подошел бы к вьющимся белокурым волосам моей уже кокетливой крошки. Но главный подарок был куплен вчера. Прежде чем забрать дочку из яслей, я зашла в магазин и приобрела для нее новую куклу, «гавайскую принцессу», – уже пятую по счету Барби, которой было суждено присоединиться к остальным, выстроившимся на полке над ее кроваткой. Каждый день перед сном мы вместе выбирали одну из них, счастливицу, которой предстояло провести ночь с ее хозяйкой и плюшевым медвежонком.

Помню, что вначале я засомневалась, а стоило ли ее покупать? Истинная дочь своих родителей- учителей, передавших мне левацкие убеждения, смела ли я заражать мою девочку пагубным духом приобретательства? Но в итоге я сдалась, это я-то, без конца твердившая, что на свете полно других кукол, помимо Барби! В попытке отвлечь от них дочку я показывала ей замечательных резиновых голышей, деревянные игрушки, пазлы – все, что, на мой взгляд, больше подходило для ее возраста. Но в Гортензии уже проявлялся характер. Малышке было чуть больше года, но она уже бойко щебетала, была такой веселой... Ее глаза загорались каждый раз, когда она видела Барби в

витринах магазинов игрушек, и у меня не хватало мужества ей отказать. Вот, представьте, какой я была мамашей: в один прекрасный день я купила ей сразу двух Барби! Просто из удовольствия доставить радость.

Совсем как моей дочке, мне очень хотелось, когда я была маленькой, заполучить одну из этих невероятно прекрасных куколок-моделей. Но родители оставались непреклонными. «Только не это американское дерьмо», – прозвучал приговор отца. И в детстве я так и не стала обладательницей Барби. Может, потому я и решила наверстать упущенное вместе с моей Гортензией. Вспомнилось, какой это был восторг, когда она обнаружила на своей кровати Барби-принцессу. Она все повторяла: «Спасибо, милая мама!» и еще – «Я тебя люблю, люблю, люблю», пока вынимала ее из коробки.

За два месяца я распланировала наш праздник по минутам и даже взяла один день в счет отпуска. Подарки Гортензия увидит утром, как только проснется. Малышка откроет их один за другим, закончив Барби. Потом она захочет поиграть с новой куклой, ее одеждой и кабриолетом, входившими в комплект. Затем мы отправимся в «Макдоналдс» на бульваре, а когда вернемся, задует три свечки на превосходном воздушном торте с клубникой. А в час послеобеденного отдыха я почитаю дочке одну из подаренных книжек, чтобы ей лучше спалось.

Стрелки на больших кухонных часах приближались к десяти вечера. Отлично помню, как я снова проверила по почтовому календарю[5 - «Альманах почтальона», или «почтовый календарь», – справочно-информационное издание Почтовой компании Франции, распространяемое почтальонами среди населения.] число дней, отделявших нас от торжества. На этот раз мои подсчеты были предельно точны: ровно пятьдесят семь дней и три часа.

К несчастью, всему этому не суждено было сбыться... И купленная заранее «гавайская» Барби так и осталась в коробке. И по сей день, двадцать два года спустя, она по-прежнему там. Коробку я не открыла.

Прежде чем снова взяться за книгу («Утраченные иллюзии» Бальзака, можно ли забыть?), я пошла проверить, уснула ли дочка. Во сне она взяла в ротик лапу

медвежонка, выбрав ему в пару, перед тем как лечь, Барби-наездницу. Погладив белокурые волосы и поцеловав ее в щечку, я уже собиралась выйти, тихонько притворив за собой дверь, но тут взгляд мой опять, как это случилось почти каждый вечер, задержался на вставленной в рамку вышивке, висевшей над кроватью, – выполненный крестиком орнамент из букв, образующих ее прелестное имя. Я собственноручно вышила его ко дню рождения дочери, когда ей исполнился год, потратив на это больше месяца.

Когда я, успокоенная и умиротворенная, вернулась к книге, раздался короткий стук во входную дверь. Обув тапочки и поправив халат, я пошла открывать.

До сих пор не могу понять, как я могла совершить такую ошибку? Роковую ошибку. Почему не посмотрела в глазок, не спросила, кто бы это мог быть в столь поздний час?

Прими я эти простые меры предосторожности, ничего бы не случилось. Я велела бы ему убраться прочь, пригрозила, что вызову полицию, и, возможно, он бы не осмелился. Но я открыла – непростительно, бездумно, и дальше все произошло так быстро, что я уже ничего не могла сделать.

На лестничной площадке стояла кромешная тьма. Когда я его увидела в проеме двери, было уже слишком поздно. Я хотела захлопнуть дверь, но он оттолкнул меня с такой силой, что рамка с фотографией Гортензии, висевшая в прихожей, упала на пол, больно оцарапав мне ногу. Пока я боролась, пытаясь не пустить его в квартиру, я поскользнулась и упала, так что осколки вонзились мне в икру и стопу правой ноги.

В больницу – с момента нападения прошло довольно много времени – я попала в почти неменяемом состоянии. Мне сделали укол, наверное, что-то успокоительное. Не разрешив, чтобы мне зашили раны на ноге, я хотела их оставить открытыми – пусть болят так же нестерпимо, как моя душа, пусть будут свидетельством его чудовищной жестокости! И теперь, двадцать два года спустя, эти стигматы еще различимы. Со временем я перестала их замечать, но часто машинально поглаживала пальцем эти небольшие вздутия омертвевшей плоти.

Пробивая себе путь в прихожей, он с такой силой меня толкнул, что я ударилась головой о стену. На какое-то время я потеряла сознание, а когда пришла в себя – не знаю, сколько минут или часов прошло с тех пор, – я увидела его прямо перед собой. Нет, не его я увидела первым: прежде я увидела спящую дочурку, которую этот негодяй прижимал к груди. Она спокойно посасывала лапку плюшевого медвежонка; глаза дочери были закрыты, словно происходящее никак ее не касалось.

Я сразу поняла, что он собирался сделать. Захотела крикнуть, но во рту мгновенно оказался кляп. Рванулась, чтобы встать, но почувствовала, что не могу двинуться, примотанная к стулу широкой клейкой лентой. Он издевался надо мной, видя мои тщетные попытки освободиться, и с лица его не сходила улыбка удовлетворения. Потом он проговорил, играя золотистыми локонами Гортензии:

– Смотри на нее, смотри! Сейчас мы исчезнем, и ты больше никогда не увидишь свою дочь. Она даже не будет знать о твоём существовании. Не бойся, я не собираюсь умирать вместе с ней. Напротив, мы будем жить. Ведь Гортензия – и моя дочь тоже. Тебе хотелось иметь ребенка лишь для себя, вычеркнуть меня из ее жизни. Но отныне в жизни Гортензии не будет тебя. Мы уйдем, и ты никогда нас не найдешь, никогда!

Он вышел со спящей Гортензией на руках. В мою память навсегда врезался тихий звук закрывшейся за ними двери.

В тот момент я собрала все силы, и мне удалось опрокинуть стул наземь. Несмотря на боль от впившегося в ногу стекла, я стала бить ею об пол. Каждый новый удар причинял мне невыносимые страдания, из глаз лились слезы, а крики умирали в заткнутом кляпом рту. Вероятно, через несколько минут, которые показались мне вечностью, из квартиры снизу пришли соседи, которые, освободив меня, вызвали полицию. Машинально я взглянула на часы: с того времени, как он проник в квартиру, прошло полчаса. Обессиленная от боли и тревоги, я снова лишилась чувств.

Полицейским я сказала, что его имя – Сильвен Дюфайе. Этот человек похитил мою дочь.

Сильвен Дюфайе. Он был единственным мужчиной, который что-то значил в моей жизни. Я не была девственницей, когда ему отдалась, но ощущение было именно таким.

Впервые я безумно влюбилась. Каждый раз, когда я об этом размышляла, я не могла понять, как я была способна дойти до такой глупости! Как поверила всему тому вздору, что он городил?

Показания г-на Патрика Лубе,

58 лет, преподавателя,

19 июня 2015 г. Выписка из протокола.

[...] В то время, когда произошло это событие, мы с супругой Мартиной занимали квартиру справа на третьем этаже дома № 42-бис. В настоящее время мы живем в департаменте Валь-де-Марн. [...] Было приблизительно 22.30, когда наше внимание привлек шум, доносившийся из квартиры над нами, которая принадлежала мадам Делаланд. [...] В доме мы почти с ней не встречались, так как она выходила очень редко. Нам было известно, что мадам Делаланд жила вдвоем с очаровательной дочкой, которой она, судя по всему, очень гордилась. Пару раз мы пытались пригласить ее к себе на чай или пропустить стаканчик, но она всегда отказывалась. В общем, мы считали ее нелюдистой, излишне скромной, хотя и довольно любезной. [...]

Итак, мы услышали доносившиеся сверху ритмичные удары, будто кто-то с силой бил ногой в пол. Жена забеспокоилась первой, и мы поднялись посмотреть, что там происходит. Позвонили. Никто не ответил, однако удары не прекращались. Оказалось, что входная дверь не была заперта на ключ. Переступив порог квартиры, мы увидели нашу соседку лежавшей на полу. Мадам Делаланд, привязанная к стулу, из всех сил стучала ногами об пол. Раны на ее ноге кровоточили, да и в прихожей повсюду была кровь. Я до сих пор не могу забыть ее взгляд – уставившийся в одну точку и выражавший нечеловеческое страдание. Как только жена освободила ей рот, она принялась кричать:

«Помогите! Дочь, моя дочь!» Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами, поскольку тогда мы испытали настоящий шок.

Я перерезал скотч кухонным ножом – она была примотана к стулу широкой лентой, порвавшейся в нескольких местах от неудачных попыток освободиться. Она мгновенно вскочила на ноги, очень возбужденная и встревоженная, но отнюдь не утратившая самообладания; она показалась нам скорее... полной решимости. Мадам Делаланд сообщила, что ее дочь Гортензия была похищена, и попросила нас вызвать полицию, что я немедленно же исполнил. Мы попробовали было уложить ее на диван, но она отказалась и продолжала стоять. Нога сильно кровоточила, но это, по-видимому, ее нисколько не заботило – она то и дело выглядывала в окно, намереваясь бежать и преследовать похитителя. Моя жена делала все возможное, чтобы ее успокоить, предлагая ей сесть и ждать полицейских, однако мадам Делаланд ее отпихивала и повторяла, что этот человек – настоящее чудовище, мерзавец, и прочее. Она не переставала кричать «Гортензия! Гортензия!», «Любовь моя, любовь моя!», возмущалась, что полиция долго не едет, называла себя «дурой», «никудышной матерью», и видно было, что она на себя очень сердита. Это все производило довольно странное впечатление, и в итоге мы так и не поняли, что же все-таки произошло. [...] Весь этот шум переполошил и остальных жильцов, да иначе и быть не могло. Один из них, по-моему, господин Балан со второго этажа, явился с плюшевым медвежонком. Он объяснил, что подобрал его на лестнице. Мадам Делаланд выхватила у него игрушку, прижала к лицу, вдыхая запах, словно старалась вобрать в себя ее дыхание, а потом произнесла очень спокойно, словно была не в себе: «Бедная моя малышка, она ушла без своего Жеже[б - Уменьшительно-ласкательная форма от имени Жером.], как теперь она будет без него, совсем одна?» [...]

3

София

Будь жизнь справедлива, она не допустила бы того, что наши с ним дороги пересеклись. Уберегла бы меня, и я не прожила бы свою жизнь так, как прожила. Жизнь пустую. Загубленную. В таком случае моя Гортензия никогда бы не родилась, согласна, но разве это не было бы благом?

Нет, жизнь не справедлива. И я – тому доказательство.

Для начала стоит сказать, что Сильвен был невероятно красив. Именно об этом мне до сих пор больше всего вспоминать. Я могу в мельчайших деталях воспроизвести в памяти его лицо. Не лицо, а само совершенство, с безупречными чертами, при мысли о котором меня начинает душить ненависть. Сильвен был брюнетом с голубыми глазами, высоким и стройным. В этом человеке чувствовалась порода, таился какой-то небрежный соблазн, что особенно подчеркивалось его непринужденной, но стильной манерой одеваться. В день, когда я его увидела впервые, на Сильвене были черные джинсы, черная футболка и куртка того же цвета. Модные тогда кроссовки, небесно-голубые, будто специально подобранные к его глазам, вносили неожиданную цветную нотку в этот мрачноватый ансамбль. И потом его улыбка – открытая и до того неотразимая, что ты кожей чувствуешь – перед тобой отличный парень. Душа-человек, с кем тебя ждут незабываемые моменты. От Сильвена, естественно, не отрывали глаз, не скрывая своих надежд, все девицы в округе. Я-то держалась в сторонке – наблюдала, наслаждаясь спектаклем и спрашивая себя, кому из них удастся в конце концов запустить в него коготки. Навскидку я дала ему двадцать семь. И оказалась права. Сама я была двумя годами моложе.

В отличие от Сильвена, я не была из тех, кто привлекает восхищенные взгляды и собирает возле себя толпу поклонников. Не то чтобы я была некрасивой – по-настоящему некрасивой я стала со временем, просто тогда я была неприметной. Средненькой. Среднего роста – метр шестьдесят один, среднего веса – пятьдесят пять килограммов, из среднего звена на работе – служащая в Министерстве национального образования. В любовных делах я тоже оказалась средней – серьезных отношений у меня ни с кем не было, волнующих и роковых мгновений тоже, все было средним – мгновения, оргазмы с такими же средними мужчинами, как и я.

Короче говоря, я была из породы женщин, у которых нет ни единого шанса преуспеть с такими, как Сильвен, и я прекрасно это понимала. Вот почему без малейшей горечи я лишь любовалась им да наблюдала за хороводом его поклонниц.

Он пришел ко мне сам.

Как-то раз мы вместе оказались за городом. Анна, моя коллега по министерству, и ее муж решили устроить вечеринку по случаю новоселья. Они только что купили дом – так, ничего особенного, по-моему, – на холмах Кламара[7 - Кламар – городок в десяти километрах к юго-западу от Парижа.], «с садиком на двести один квадратный метр». Этот добавочный один метр и «вбил последний гвоздь», как без конца повторял Жермен, очевидно считая свое высказывание верхом остроумия.

Анна не упускала удобного случая, чтобы посетовать, что уж она-то, разумеется, предпочла бы «сидеть в Париже», «но ведь, ребята, сами понимаете». Двое малышей-погодков весь вечер осаждали мать, оглушая нескончаемыми воплями приглашенных. Помню, тогда я еще подумала, что, если у меня когда-нибудь будут дети (что маловероятно), я ни за что не позволю им отравлять существование моим гостям. Впрочем, сами приглашенные меня тоже страшно раздражали: все наперебой восторгались этой глупой гусыней Анной, которая восседала в гостиной, давая грудь младшему чаду с таким важным видом, будто тот был королевским отпрыском, а она – королевой-матерью. Я же находила и это прилюдное обнажение, и всеобщее восхищение неуместными. «Этот лишний метр будет отдан в полное распоряжение детей!» – не унимался ее придурковатый муж.

Мы с Анной вместе работали, но слишком мало друг друга знали, и, когда она приглашала меня вместе с остальными коллегами, у меня возникло ощущение, что ей не очень-то этого хотелось. Признаюсь, я никогда не считалась заводилой или душой компании, но не ходила и в занудах. Была же я из числа тех, имя кому – легион и чье отсутствие никогда никого не волнует. Однако из чистого желания досадить Анне, помню, я приняла ее приглашение с энтузиазмом. Зато теперь я только и думала, как бы поскорее смыться, не пропустив последнюю электричку в Париж.

И тут ко мне подошел он.

– Кажется, ты скучаешь? – заметил он. – Здорово, не так ли, с милым на пару приобрести вот такой шалашик за городом?

В голосе его звучала ирония, но почему-то я ответила со всей серьезностью:

– По мне – так вовсе не здорово.

– Ну, раз так, может, удерем отсюда?

Мы вышли вместе, не попрощавшись ни с хозяевами, ни с гостями, страшно довольные, как нашкодившие подростки. Открывая передо мной дверцу своей машины, «Фиата Панды», он представился:

– Я – Сильвен, а ты?

Когда я пробормотала свое имя, он небрежно бросил:

– Едем, скоро я верну тебя в цивилизацию.

Стыдно признаться, но именно в тот момент – говорить об этом мне и сейчас больно – я угодила в сети его очарования. И даже, думаю, случилось нечто большее. Я влюбилась. Могла ли я знать тогда, что до улицы Мучеников меня промчит с ветерком гнуснейший из подонков...

Раскованный, свободный, Сильвен болтал всю дорогу и, казалось, был в восторге от того, что я сидела рядом. Машину он вел превосходно, выверенным было каждое его движение, а я любовалась им – например, тем, с какой обольстительной небрежностью он зажигал сигарету. Обычно я не выносила запах табака, но с ним ничто меня не раздражало. Он задавал много вопросов: о моей жизни, вкусах, о том, люблю ли я путешествовать. И, представьте, я отвечала ему едва ли не восторженно, очень откровенно, и это я – всегда такая закрытая! Никогда, ни разу в жизни такой мужчина, как он, даже просто не задерживал на мне взгляда. Я чувствовала только одно – что почва уходит у меня из-под ног, и до такой степени была им околдована, что даже ни разу не спросила себя, как могло случиться, что столь средняя девица привлекла его внимание.

И, уж конечно, я тут же ответила согласием на его предложение вместе позавтракать в следующую субботу. Больше скажу, я даже сама предложила ему совершить прогулку до площади Тертр. И уж точно, что я ни секунды не сомневалась, прежде чем в тот же вечер переспать с ним.

Ночью, когда Сильвен заснул, я прижалась к его спине, вбирая в себя блаженное тепло его тела. Внезапно меня охватило невероятное ощущение счастья. Это был единственный раз, когда я не задала партнеру ни одного вопроса. Зато я не переставала задавать их себе. Например: почему он выбрал именно меня? Во время завтрака тот же вопрос я прочла в глазах официантки. Но мне было наплевать. В момент, когда я расплачивалась по счету, я с легкостью выдержала ее насмешливый взгляд, и мне хотелось крикнуть: «Да, он – мой, мой, мерзавка!» Думаю, что впервые в жизни, когда мы в обнимку выходили из ресторана, я чувствовала себя непобедимой. Я правила миром.

4

София

И вот наступил момент, когда я решила ему сказать. Больше ждать было невозможно.

Вместе мы были уже год, семь месяцев и двадцать пять дней. Я могла бы добавить к этому точное число часов, минут и секунд. Учтено было каждое мгновение, проведенное с ним. Само по себе его присутствие уже было чудом, и я жила в постоянном страхе, что потеряю Сильвена и все вдруг исчезнет. Из головы не выходила мысль, что именно такая судьба меня ждет рано или поздно, вот почему я жила одним днем, ценя это хрупкое равновесие, которое держалось на волоске.

Вот почему с тех пор, как я узнала, что беременна, во мне родилась надежда. Появление ребенка, нашего ребенка, могло привязать Сильвена ко мне окончательно и навсегда. Эта безумная надежда теплилась в глубине моего сердца.

На улицу Мучеников он переехал через неделю после нашего первого свидания, того дня, когда я ему отдалась. Сильвен спросил, хочу ли я, чтобы мы жили вместе, и я не поверила своим ушам. Разумеется, я сразу сказала да, не помня

себя от счастья. Сначала мне казалось, что он войдет в мою жизнь постепенно, шаг за шагом, соблюдая осторожность. Однако все вышло иначе. В то субботнее утро он появился у меня с большим матерчатым чемоданом коричневого цвета.

Отказавшись от моей помощи, он больше часа, не торопясь, разбирал и раскладывал вещи: одежду, диски рок-групп, папки и несколько книг. Мне пришлось сложить часть своих книжек в стопку (в то время я читала запоем), чтобы освободить для них место.

Когда я теперь об этом вспоминаю, все кажется мне нереальным. Как я могла быть настолько наивной, на грани идиотизма, не знаю. Я словно не видела, что происходит, или же не хотела видеть. Очень скоро, через несколько недель, у меня уже было ощущение, что я не у себя дома. Моя квартира превратилась в его квартиру. Сильвен находился там когда и сколько хотел, обставил ее по своему вкусу, приглашал друзей, иногда поздно ночью, каких-то маргиналов, любителей травки, которых я не выносила, – квартира после их посещений превращалась в конюшню, но ради него я старалась все терпеть.

Однако самым страшным в этом совместном существовании, где моя роль сводилась к приготовлению пищи и раздвиганию ног, если у Сильвена возникало желание, когда я ждала его вечерами и по выходным, а он исчезал, не предупреждая и не давая о себе знать, самым страшным было то, что я и пикнуть не смела. Я никогда ни на что не жаловалась, хотя уже было ясно, что он нигде не работал и жил за мой счет. Послушать его, так ему регулярно поступали деньги благодаря успешному бизнесу, но он не давал мне ни гроша на оплату квартиры и текущие расходы. Напротив, это ему всегда требовались средства на тот или иной «проект», и я выделяла их ему из своих скромных сбережений, счастливая уже тем, что он во мне нуждался. Да, Сильвен был настоящим виртуозом по части обольщения: как только он чувствовал, что игра в одни ворота начинала меня раздражать или тревожить (это бывало так редко!), он тут же являлся с обворожительной улыбкой и букетом чайных роз, моих любимых, или маленьким подарком – дешевым украшением, шарфиком либо чем-то еще... Он вел меня в ресторан, говорил ласковые слова, подбадривал меня, занимался со мной любовью, и мои облегчение и благодарность были настолько огромны, что я мгновенно забывала и о его отлучках, и о грубости. Я тут же начинала себя упрекать, чувствовала свою вину, что, дескать, слишком много от него требовала. Сильвен говорил, что любит меня... и я, безмозглая ослица, в это верила. Но поняла я все это, увы, слишком поздно.

В ресторане я всегда первой доставала кредитную карту. А он посмеивался: ладно, будь по-твоему, в следующий раз я тебя приглашу. Да только мне было наплевать, главное – я снова видела его счастливым.

Умный, очаровательный, лукавый – я постоянно представляла его в окружении друзей и девиц, которые только и думали, как бы его у меня отобрать. Им, вероятно, казалось, что это легче легкого, и они не могли понять, что он делал рядом с такой, как я. И, кстати, я была с ними солидарна: этого красавца я не заслуживала.

Стыдно признаться, но придется: эта жизнь меня вполне устраивала. Единственное, чего я боялась, – что не сегодня завтра он уйдет так же внезапно, как появился. Верить, что он навсегда останется со мной, было все равно что верить в чудо.

Я мало что знала о его жизни. Да и вовсе ничего не знала, как я впоследствии убедилась. Не была знакома с его родителями («они живут в богом забытом уголке, в Лотарингии»), братьями или сестрами («я старший из троих детей в семье, но мы редко видимся»). Все это оказалось ложью.

О друзьях мне было известно одно – их имена.

Ни разу у меня не возникло подозрения, что Сильвен говорил со мной о придуманной жизни. А может, я просто не хотела ничего знать? Для меня имел значение только он. Семья и все прочие, какое мне было до них дело? Я безумно боялась его потерять, этим все сказано.

Свою беременность пять месяцев я хранила в тайне. Пять месяцев – это был рубеж. Дальше мне не удалось бы скрывать правду, он обязательно бы заметил. Мне хотелось, чтобы Сильвен узнал о ней из моих уст, а не потому, что заметил, и в то же время момент признания вызывал у меня панический страх.

Неделями ломала я голову, как преподнести ему эту новость и, главное, как он потом себя поведет? Может, обрадуется все-таки, несмотря ни на что? А может, даже испытает восторг, подобно мне? Больше всего на свете я боялась

услышать, что он не хочет этого ребенка, боялась упреков, что я заманила его в ловушку.

Итак, я стояла на пороге безмерного счастья в ожидании ребенка, который должен был появиться, и в то же время умирала от страха.

Однажды, когда настроение у него было игривое, как мне показалось, я наконец решилась. И реакция Сильвена была настолько ужасной, что и сегодня, когда я вызываю в памяти эту сцену, мне приходится делать над собой усилие. Кошмарную сцену, окончательно выбившую у меня опору из-под ног.

В первое мгновение он сжал меня в объятиях, стиснул сильно, молча. Я решила, что он взволнован от моего неожиданного признания, от радости, как знать? Растроганная, я залилась слезами.

Тогда Сильвен рассмеялся:

– Детишек, по правде сказать, я терпеть не могу, надо было тебе браться за дело по-другому!

Смех его, вместо того чтобы встревожить, почему-то меня ободрил. Я все еще продолжала верить в свою сказку и засмеялась вместе с ним, перед тем как взять в рот его член. Молния бряк больно царапала мне лицо, пока он держал меня за волосы, грубо, жестко, цедя сквозь зубы мерзкие словечки...

В тот момент для меня было важно одно: он меня не бросил. Но мое облегчение долго не продлилось. Почти сразу Сильвен пришел в настоящее бешенство по пустячному поводу – ничего, дескать, стоящего не было на ужин. Пока он осыпал меня бранью, я словно оледенела и лишилась дара речи. У меня до сих пор звучат в ушах оскорбления, которые он бросал мне в лицо: тварь, лгунья, идиотка, грязная шлюха, которая обвела его вокруг пальца, сделав ему ребенка, уродина, которую он никогда не любил, годная лишь как подстилка – да ему нужны были только жилье да бабки! И тем не менее я бы переварила все эти грязные слова, я уверена. Если что и причинило мне настоящую боль, так это фраза: «Ты даже не понимаешь, что ты – последняя из баб, от кого мне хотелось бы иметь ребенка, знай – больше ты меня никогда не увидишь!»

И я поняла, что на сей раз он сказал правду. В этот самый момент.

Я смотрела, как он уходил, не в силах выговорить ни слова. И сейчас я еще слышу оглушительный стук хлопнувшей двери.

Через несколько дней, когда я вернулась с работы, оказалось, что большой коричневый чемодан, лежавший сложенным на верху шкафа, исчез. Его вещи и он сам испарились вместе с чемоданом. Ключи от квартиры валялись на полу в прихожей, к тому же он забрал остаток наличных денег, которые я держала в своей комнате, в шифоньере, под стопкой простыней.

Тогда я окончательно осознала, что все было кончено. Он бросил меня, и рожать мне предстояло в одиночестве.

За несколько секунд огромная, не ставившая никаких условий любовь к нему обернулась глубочайшей ненавистью.

С тех пор я уже никогда его не ждала.

Я вычеркнула Сильвена из своей жизни.

5

София

Роды прошли легко, несмотря на кесарево сечение и внушительный шрам. Гортензия появилась на свет меньше чем за два часа, почти не доставив мне страданий.

Акушерка сказала, что это добрый знак:

– Значит, ребенок никогда вас не огорчит. Посмотрите, как она прелестна. Девчушка уже улыбается!

Моя мама решила ее поддержать, явно преувеличивая:

- Да, она - вылитая София!

Оставив это замечание без внимания, я пристально посмотрела на малышку, которую положили мне на грудь. Если не считать тонких белокурых волосиков, которые, несомненно, передались от меня, ее тонкие правильные черты лица напоминали проклятого Сильвена, которого я месяцами тщетно пыталась забыть. Ах, как бы мне хотелось, чтобы она вовсе на него не походила!

- А где же отец этого маленького чуда? - поинтересовалась акушерка игривым тоном.

Не успев задуматься, я услышала свой голос:

- У нее нет отца, он умер.

Не знаю, почему это пришло мне в голову. Мама, застигнутая врасплох, сочла необходимым прибавить:

- В автокатастрофе, он погиб на месте.

Конечно же, она не хотела новых расспросов. Момент был неподходящий, чтобы рассказывать о мерзавце, который меня бросил.

Акушерка вскоре ушла, чтобы мы побыли в кругу семьи, как она глупейшим образом выразилась.

К счастью, мама с первых же дней приняла мою сторону. Она настояла на том, что будет присутствовать при родах.

- Если этот негодяй тебя покинул, то уж семья всегда будет с тобой, дорогая! - заверила она меня.

Я никогда не посвящала маму в детали того, как развивались наши отношения с Сильвеном, и мне удалось ее в конце концов убедить, что я нисколько не нуждаюсь в этом подонке и стану прекрасной матерью для моей Гортензии.

– Такой же, как ты была для меня, – заключила я, чтобы сделать ей приятное, а заодно положить конец разговору.

– Ну что ж, тогда я очень счастлива, – вздохнула она.

Отец, как всегда в таких случаях, был категоричен:

– Пусть только попробует сюда явиться! – заявил он и с тех пор не произносил имени Сильвена, называя его исключительно «дерьмом», «паразитом» и «сволочью».

А ведь Сильвен с самой первой встречи с моей семьей завоевал ее расположение. Мать, отец, братья с их женами – все были от него без ума. Он очаровал их всех, и эта мгновенная и взаимная приязнь – ну, я оказалась полной идиоткой, что тут скажешь, – наполняла мое сердце несказанным счастьем. Никто не осмеливался спросить, во всяком случае у меня, каким образом мне удалось заполучить такого парня, но я уверена, что этот вопрос задавал себе каждый. Когда я им объявила, что на Рождество приведу друга, все они рассчитывали увидеть некую посредственность, бесцветного типа, которого мне удалось подцепить среди министерских коллег. Я же предстала перед ними с великолепным образчиком мужчины, «необычайно, необычайно симпатичным». В присутствии моих родственников он то и дело осыпал меня поцелуйчиками, проявлял нежную заботу, постоянно шутил, был предупредителен и внимателен к остальным гостям. У меня такое поведение Сильвена сразу должно было вызвать подозрения, так как наедине со мной проявления привязанности день ото дня становились все более редкими. Но могла ли я в чем-то сомневаться, если гордость от обладания им делала меня слепой? Я считала, что справедливость восторжествовала и мне воздалось сторицей за годы страданий, когда все считали меня жалкой уродиной, неспособной заинтересовать кого бы то ни было. Блистательное присутствие Сильвена рядом со мной доказывало, что я была достойна гораздо большего, чем они полагали.

После исчезновения Сильвена из моей жизни вопрос о нем больше никогда не стоял. Малышка Гортензия росла чудесным ребенком, до краев заполнив мое существование.

Восхитительная девчушка, другого и не скажешь. Изящные черты, голубые глазки, сияющая улыбка. К моему огорчению, она все больше и больше походила на своего «прародителя», да, именно так я его называла, никогда не употребляя слова «отец». Когда же при мне произносили имя «Сильвен», к горлу всегда подкатывала тошнота. Увы, я смогла передать дочери только соломенно-белокурый цвет волос.

Однажды мама воскликнула:

- Боже, да она просто вылитый Сильвен!

Моя реакция была ужасной:

- Никогда не произносите его имя при мне, и главное – при ней! Дочь принадлежит только мне, мне одной! У нее нет отца, ее отец умер, его никогда не существовало.

- Но ведь придет день, когда ей нужно будет узнать... – пробовала возразить мама.

И тогда я зарычала ей в лицо, как разъяренная тигрица:

- Это касается только меня, но уж никак не тебя! – Я была настолько разгневана, что, продолжай она в том же духе, дала бы ей пощечину.

Мама пробормотала какие-то извинения, но я вышла, громко хлопнув дверью, с испуганной, дрожавшей Гортензией на руках.

Я не давала о себе знать целых две недели. Урок был усвоен, и, видя отчаяние мамы, которая не могла примириться с разлукой, я взяла с нее клятву никогда больше не говорить о Сильвене. Мы даже расцеловались с мамой, чего не делали со времен моего детства.

Да, семья всегда поддерживала меня в несчастье.

Я сама решила порвать с ней все связи и больше не видеться.

6

София

Никто не в состоянии представить, насколько полным было мое материнское счастье. Трудно подобрать слова, чтобы его описать. Я жила в постоянной радости – спокойной, безоблачной, абсолютной, которая питалась нашей взаимной любовью.

Каждое мгновение жизни дочери было мгновением этого счастья, ни на минуту я не покидала ее и в своих мыслях. Ни в ком и ни в чем я не нуждалась, а уж тем более в другом мужчине.

Я была очень счастлива с ней одной, моей дочерью.

Семья моя между тем делала все возможное, чтобы окружить нас заботой, старалась поддерживать меня в трудные моменты (я хочу сказать, материально, хотя, если честно, я ни в чем не нуждалась по-настоящему!). Скрепя сердце я иногда оставляла им внуку на несколько дней, когда по какой-либо причине закрывались ясли. Они говорили, что, несомненно, это пойдет мне на пользу, что я нуждаюсь в отдыхе, что, мол, наконец-то я займусь собой.

Родители приезжали за ней в Париж и тем же вечером уезжали в Пемполь[8 - Пемполь – город в Северной Бретани (Франция)]. Да, по правде говоря, я не очень-то любила оставлять их у себя ночевать. Они уверяли, что будут лелеять Гортензию, как принцессу, окружат ее нежной заботой. А мне стоило воспользоваться временной свободой, чтобы погулять, сходить в кино или театр, или еще лучше – поужинать с друзьями. У них это стало навязчивой идеей, чтобы я общалась с коллегами, завязывала новые знакомства. Разумеется, они

надеялись, что рано или поздно я встречу того, кто изгладит из моей памяти мрачные воспоминания о неудавшейся любви. Видно было по всему, что они считали мою привязанность к Гортензии не совсем нормальной.

Но какова бы ни была моя вина в том, что произошло в дальнейшем, никто не был вправе упрекать меня в том, что я питала к Гортензии «чрезмерную» любовь или что моя любовь была слишком эгоистичной. Никто не может дать слишком много любви своему ребенку.

Когда я приезжала забирать Гортензию, я им лгала. Говорила, что эти несколько дней принесли мне огромную пользу, что я воспользовалась ими на всю катушку. Рассказывала содержание спектаклей, которых не видела, истории о друзьях, с которыми не встречалась, сообщала меню придуманных ужинов. Родители настаивали, чтоб я оставляла у них Гортензию почаще, и на словах я никогда не возражала:

– Договорились, тем более что дочка вас обожает.

Порой отец пускался в откровения.

– Мы с матерью очень рады, – говорил он, – что ты сумела оставить в прошлом историю с этим мерзавцем. Не скрою, мы побаивались, что все обернется куда хуже. Когда он сбежал, ты казалась раздавленной, на тебя было жалко смотреть, доченька. Честно скажу, мы испугались, очень испугались... Ну а теперь все страхи исчезли: ты расцвела, как роза. Можно сказать, что малышка Гортензия – твоя новая большая любовь!

Я благодарила его со счастливой улыбкой и твердила, что все у меня прекрасно.

– О нем я больше никогда не думаю. Одной мне гораздо лучше. В моей жизни ему места нет.

И я была убеждена, что именно так и было.

Однажды, чтобы сделать родителям приятное, я решила остаться с Гортензией у них на ночь – с субботы на воскресенье, прежде чем вернуться в Париж. Хотя,

признаюсь, моей единственной мечтой было поскорее добраться до дома с моей дочуркой, по которой я стосковалась. Но, видели бы вы, как радовались бедные старики...

Да, то, что сделал мне потом этот мерзавец, похитив у меня Гортензию, полностью разрушило мою жизнь. Но не только мою – их жизнь тоже. Его гнусное преступление, ибо это было именно преступление, погасило теплившийся в них огонь, который было невозможно разжечь вновь. Мало-помалу горе изглодало мою мать, и она умерла четырьмя годами позже.

Отец ее пережил. Сейчас он уже стар и немощен, но у него прекрасная поддержка в лице моих братьев. Между тем, когда мы с ним виделись в последний раз лет двенадцать назад, я прочла в его усталом взгляде, что он никогда не забывал Гортензию. Он так и умрет, унося в сердце воспоминания о пропавшей внучке. И еще ненависть к моему палачу, которая его никогда не оставляла.

Ночевка у родителей потребовала от меня колоссальных усилий. Ведь неделя, проведенная в одиночестве, тянулась никак не меньше месяца. И теперь мне не терпелось как можно скорее остаться вдвоем с моей дорогой девочкой.

Обычно бывало так: я приезжала по утрам, мы завтракали и отправлялись в путь. Я не просто приезжала забрать дочку – я каждый раз сбегала вместе с ней.

В ту ночь я не спала. Лежа рядом с ней и почти физически ощущая блаженство и сладостный покой этих минут, я не осмеливалась закрыть глаза, ведь это помешало бы мне любоваться моей Гортензией, которая мирно посасывала лапку медвежонка Жеже. Поправляя соскользнувшее одеяльце, я представляла ее сны, мечтала о нашей будущей жизни вдвоем.

В общем, мое счастье заключалось только в дочери. Потеря Гортензии сломила меня, нанесла такую глубокую рану, что я не смогла от нее оправиться.

С работы я тоже старалась сбежать пораньше. Не успевали часы показать шесть вечера, как я собирала вещи, никогда не задерживаясь на собраниях, даже если этого требовала необходимость, когда другие сотрудники оставались. В голове было одно: поскорее забрать дочку из яслей и остаток вечера посвятить ей.

У нас были свои привычки, которые ничто не могло нарушить.

Первым делом мы немного играли с Барби, неизменно, потом какое-то время я перечитывала ей любимые книжки. Когда наступал банный час, мы вместе принимали ванну – обе мы просто обожали это занятие. Затем я оставляла ее одну поиграть с куклами, опять же с ними, с Барби, пока я готовила ужин. Никогда никаких полуфабрикатов или блюд из кулинарии. Только свежайшие продукты и здоровое питание. Я была помешана на качестве овощей, рыбы или мяса, была способна обойти весь Париж в поисках самого лучшего, чтобы купить все это Гортензии. Рацион яслей не внушал мне особого доверия, и частенько я давала дочери с собой завтрак, что очень раздражало воспитательниц. Однако я настаивала с такой непреклонностью, что они не осмеливались противоречить. Гортензия всегда заканчивала ужин стаканчиком молока, после чего я отводила дочку в ее комнату и смотрела, как она рисует. Потом обычно читала ей книжку, начатую накануне. Когда наступало время спать, мне даже не приходилось напоминать – она сама ложилась в кроватку с медвежонком в руках и, как всегда, просила поцеловать ее на ночь. И я покрывала Гортензию поцелуями всю – от лба до нежных пяточек, щечекотав ее легонько кончиком носа, чтобы она засмеялась. Когда я гасила свет, дочка тотчас засыпала. Время сна наступало в восемь часов.

Только после этого я принималась за работу. Сделав все, что было нужно по хозяйству, я наскоро перекусывала чем попало. Затем устраивалась на диване и читала до половины одиннадцатого.

Убедившись, что Гортензия не проснулась, я переносила маленькую спящую красавицу в свою постель, и мы проводили ночь вместе, дыша одним дыханием.

И в тот вечер все было бы так же, если бы Сильвен не явился, чтобы ее у меня похитить.

С тех пор, вот уже больше двадцати лет, после нескольких месяцев бессонницы, чуть не превратившей меня в зомби, я всегда засыпала в одно и то же время, приняв снотворное. Только к сердцу я прижимала не дочку, а ее розовую, истертую до дыр от моих прикосновений пижамку, вместе с которой я погружалась в забытие без сновидений и кошмаров.

Ночи я проводила уже не в своей постели, а в ее кроватке, свернувшись клубком, словно от нестерпимой боли.

Показания капитана жандармерии Пеллетье,

8 июля 2015 г. Выписка из протокола.

Мы, капитан Ив Пеллетье, сотрудник Следственного комитета жандармерии Ренна, письменно подтверждаем, что 1 июля 2015 года мы встретились с господином Дени Делаландом, родившимся 20 мая 1938 года в местечке Локмине, департамент Морбиан. Встреча состоялась в доме престарелых «Зеленые дубы» в Витре, 35506, на которой также присутствовали его сын Серж Делаланд и доктор Женевьева Лафорж, в соответствии с распоряжением следственного судьи Венсана Робера, представителя Парижского суда большой инстанции.

Мы констатируем, что, проводя дознание, испытали определенные трудности, связанные с состоянием здоровья господина Дени Делаланда, страдающего старческим слабоумием, которое проявилось в его неспособности давать четкие и логичные ответы на поставленные вопросы. Нам удалось прослушать показания свидетеля в течение двенадцати минут, когда он, как нам показалось, находился в здравом уме. Господин Делаланд подтвердил глубокую, даже исключительную, привязанность, которую питала София Делаланд к своей дочери Гортензии Делаланд. Мать, по его словам, ухаживала за ней наилучшим образом. В его памяти внучка осталась очень живым и прелестным ребенком. Он уточнил, что по мере того, как девочка подрастала, София все больше противилась тому, чтобы она посещала своих дедушку и бабушку, что сильно расстраивало его супругу, ныне покойную. Он уже не помнил, когда видел внучку в последний раз. Мы цитируем: «Похищение ее этим негодяем крайне болезненно отразилось на семье, очень привязанной к ребенку», – что и привело,

по его словам, к преждевременной смерти жены. Учитывая усталость свидетеля и его плачевное физическое состояние, а также по требованию врача, мы, капитан Пеллетье, вынуждены были прервать допрос в 11.22. [...]

7

София

Чудесное равновесие нашей жизни с Гортензией сразу было нарушено, как только Сильвен вновь в нее вошел.

Нет, не в тот кошмарный вечер, когда он отнял у меня дочь. Сильвен уже появлялся за четыре недели до того, как Гортензии должно было исполниться два с половиной года. За пять месяцев до похищения. Годы спустя после его ухода с улицы Мучеников.

Почти слово в слово я помню то, что рассказала тогда об этом событии капитану Дюпуи. Этот человек всегда проявлял ко мне сочувствие, моя страшная судьба, похоже, его по-настоящему взволновала.

Словно предупрежденная шестым чувством, я сразу его увидела. Сильвен ждал меня возле министерства, на той стороне улицы, устремив на меня свой пронзительно-голубой взгляд. На его губах играла улыбка – дружеская, немного виноватая, а на лице застыло выражение заискивающего животного. Он почти не изменился: по-прежнему был строен, со смородиново-черными волосами до плеч, все так же неотразимо притягателен.

Я не притворилась, будто его не заметила, а наоборот, посмотрела ему прямо в глаза, запрещая приближаться. Несколько секунд я стояла перед ним, а затем круто развернулась и решительной походкой направилась к метро. Не знаю, как мне удалось обуздать свое волнение – я была потрясена. Один его вид вспышкой молнии вызвал к жизни все мои унижения и обиды. И речи быть не могло ни о каких уступках, он мог рассчитывать только на мое презрение.

Понимая, что Сильвен станет меня преследовать, я мысленно к этому подготовилась. И правда, с верха лестницы он меня окликнул:

– София!

Тон его был резким, почти приказным. Не услышав ответа, он меня догнал и схватил за руку.

– Мне нужно с тобой поговорить, – произнес он уже мягче, – это очень важно.

Я попыталась высвободиться, но тщетно, Сильвен держал меня крепко. Он приблизился ко мне вплотную, и я опустила взгляд, чтобы его не видеть. Ни единого слова не вырвалось у меня, ни «отпусти» или «оставь меня, я не хочу тебя видеть».

Пришлось подождать, пока он сам кончит говорить и меня отпустит. Я наклонила голову и стояла, не отводя взгляда от билетика, который трепетал, словно старался сохранить равновесие, на выступе ступеньки. Улетит – не улетит?

Но я не забыла ни слова из того, что он мне сказал тем вечером. Он, дескать, раскаялся, говорил он плаксивым тоном, он не должен был меня бросать, просто все уж так сложилось, навалилась куча дел, да и не готов он был тогда к отцовству. Сильвен называл себя безмозглым, несколько раз повторил, что «поступил, как мудак». Да, он понимал, конечно, что я вправе его ненавидеть и не хотеть больше с ним встречаться, но он надеялся все исправить и рассчитывал на мое прощение. А в конце произнес:

– Я очень хочу увидеть свою дочь. – И я почувствовала в его голосе сомнение, словно он принуждал себя, прежде чем добавить: – Прошу тебя!

В этот момент Сильвен отпустил мою руку, и я, воспользовавшись этим, быстро зашагала прочь. Не удостоив его ни взглядом, ни ответом.

И я не обернулась, когда он закричал мне вдогонку:

– Я ее отец и имею право с ней видеться!

Или он сказал «имею на нее право»? От одной этой мысли я задрожала всем телом и подумала: «Никогда!»

Решение было принято, и я не изменила его до конца.

Позже, гораздо позже, я стала спрашивать себя, а что было бы, не окажись я столь категоричной? «Возможно, тогда он бы ее не похитил», – сказала мне как-то мама, когда мы с ней об этом заговорили. В те времена, когда еще нам удавалось поговорить... Но мысль эта только вначале мучила меня, даже сейчас я твердо уверена: забрать у меня дочь – вот что было его целью. Только мне известно, до какой степени этот человек любил причинять зло другим, каким он на самом деле был негодяем. И никто не смог бы убедить меня в обратном. Ему не нужна была дочь – отомстить он хотел именно мне. Вот только за что?

Увы, для размышлений времени у меня оказалось больше чем достаточно. Конечно, он видел себя лишь в роли повелителя, а я стала ему противиться. Бедняжка Гортензия сделалась инструментом в его руках, чтобы он мог расправиться со мной. Однако в итоге я пришла к выводу, что речь шла не только о мести. В чем он мог меня упрекнуть по-настоящему? Только в том, что я запретила ему видеться с ребенком, на которого он не имел ни малейшего права, брошенным им еще во чреве матери? Нет, этот человек был настоящим безумцем, ринувшимся на поиски жертвы, чтобы удовлетворить свои садистские наклонности. После того как он меня соблазнил, я месяцами оставалась игрушкой в его руках, считая, что испытываю сильную и вечную любовь. И я стала его жертвой, когда он лишил меня дочери. Существовать Сильвен мог, только питаясь страданиями других, и ему потребовалось в конце концов мое полное уничтожение. Выбор судьбы пал на меня – наши с ним пути пересеклись, но я готова поклясться, что была не единственной его жертвой.

И все же я никогда не жалела, что запретила ему встречаться с дочерью. Гортензия была моей – не Сильвена. Он не заслуживал ее, не заслуживал того, чтобы называться отцом. Однажды он уже исчезал, а значит, лучше всего ему было снова исчезнуть, и на этот раз навсегда. Сильвен нам с дочерью был не нужен, для него в нашей жизни больше не было места.

Гортензия росла без отца и ничуть не нуждалась в нем. У нее была я, и мы вдвоем были счастливы. Ни разу не спросила она меня, где ее папа. А ведь она

повидала их, пап, достаточно, например, когда они приходили в ясли за своими детьми, и те крепко обнимали их за шею. Сколько раз я с горечью наблюдала такие сцены. Но никогда, клянусь, она не задала мне такого вопроса. Разве это не доказательство, что в папе никакой нужды не было?

Вот что я ему сказала, когда мы встретились с ним во второй раз на следующий день. Как и накануне, он ждал меня, стоя на тротуаре, на противоположной стороне улицы. Я направилась к нему, не обращая внимания на его умоляющий взгляд, полный надежды. Мне были прекрасно известны все его ловушки, и я не собиралась в них попадаться. Посмотрев ему прямо в глаза, я произнесла тоном, не допускавшим никаких возражений:

– Убирайся и не пытайся больше пробраться в нашу жизнь. Ты для нас не существуешь – ни для меня, ни для Гортензии.

И тогда это чудовище разрыдалось. Очередная уловка – но я осталась холодной, как мрамор. Презрительно улыбнувшись, я сказала, что он жалок, и оставила его там, с его крокодиловыми слезами, которые нисколько меня не тронули, а лишь вызвали отвращение.

– Плачь на здоровье, я и так потеряла с тобой уйму времени, а сейчас я очень тороплюсь, мне нужно забрать из яслей дочь.

Несмотря на то что сцена была впечатляющей – посреди улицы, рядом с моей работой, я уверена, что никто не обратил на нас внимания.

Так уж устроен Париж: люди идут каждый своим путем и никому нет ни до кого дела.

Развернувшись, я поспешила к метро, настолько удовлетворенная, что бросила его там стоять с открытым ртом, что даже не подумала, что, возможно, этот человек представлял опасность. В тот момент он получил свое, а я бежала, чтобы поскорее увидеться с моей дорогой Гортензией.

Сильвен сумел мне отомстить, да еще как.

– Мне не следовало так поступать, – признавалась я позже комиссару Дюпуи. – Очень сожалею, что возбудила в нем ярость, это было непростительной ошибкой.

Комиссар тогда нашел верные слова, может быть, из сочувствия к моему отчаянию, и его голос дышал искренностью:

– Время не повернуть вспять, мадам Делаланд... Но этот Дюфайе, судя по вашим рассказам, производит впечатление, так сказать, психопатической личности. Каков бы ни был повод, рано или поздно он причинил бы вам зло. Вы не должны ни в чем себя упрекать.

По сей день я благодарна ему за эти слова и за то, что он пытался найти мою дочь и этого мерзавца и сделал для этого все, что было в его силах.

И все же могла ли я не сердиться на него, потерпевшего поражение в этих поисках, равно как и я?

8

София

К тому времени, как Сильвен попытался снова войти в нашу жизнь, Гортензии было два года и пять месяцев. Разумеется, я с ней этого не обсуждала, ведь дочь была слишком мала, и не стоило ее пугать.

Скоро ей предстояло перейти из яслей в детский сад – я записала Гортензию в садик на Бретонской улице. Как же дочка этим гордилась, она никак не могла дождаться заветного дня, хотела отправиться туда немедленно, не дожидаясь сентябрьского начала занятий. Гортензия говорила, что теперь она – большая и что ей до смерти надоели вечно вопящие младенцы.

– Я не люблю малышей, от них всегда плохо пахнет. Игры у них дурацкие, и потом – там я самая старая! – заключила она последним решающим аргументом.

Гортензия сказала «старая», а не «большая», и я расхохоталась. Она так порывисто меня обняла, что я до сих пор ощущаю прикосновение ее маленьких ручек, обвивших мою шею, и нежный аромат марсельского мыла[9 - Марсельское мыло – традиционное французское мыло ручной работы из Марселя.] (другого я не покупаю, это – самое лучшее).

Дочка говорила уже совсем как взрослая, поверьте, и меня это так радовало, что я всячески ее в этом поддерживала. Она уже начинала читать и считать, я каждый день понемногу ее учила, и она обожала наши занятия.

Я была уверена, что Гортензии стоило посещать садик с двухлетнего возраста, и даже попробовала ее туда устроить, объяснив, что дочка учится читать и считать и уже умеет писать свое имя. Но директриса как-то странно на меня посмотрела и отказала. Кажется, она приняла меня за честолюбивую мамашу, только и мечтавшую об успехах своей дочери.

Но я, клянусь, хотела только ее счастья. Да и какой в том грех, если мать гордится ребенком и старается его развивать?

Своими соображениями я поделилась с воспитательницей старшей ясельной группы. Звали ее Изабелла, и она была примерно моего возраста.

Все последующие годы Изабелла оставалась моей лучшей подругой. Единственной. Целых двадцать два года она старалась мне помочь всем чем могла, поддерживала все мои усилия в поисках дочери, не давала опустить руки. Правда, потом она переехала жить на юго-запад страны, так что мы стали видеться редко, точнее, перестали видеться вовсе. В последний раз она навещала в столицу лет десять назад, но я знала, что всегда и во всем могла на нее рассчитывать, и мы поддерживали постоянную связь, которая для меня была жизненно необходима. Мы подолгу общались с ней по телефону, только Изабелле могла я рассказать о своем одиночестве, а она говорила мне о муже, который окончательно свихнулся и для которого она делала все, на что была способна. Как-то раз она сказала мне, что на Рождество ей пришлось выдержать настоящий бой с родственниками, которые собирались поместить мужа в клинику для душевнобольных, чему она решительно воспротивилась. А ведь ей давно стоило бы освободиться от этого несносного субъекта, у которого случались приступы агрессии и который сбегал от нее всякий раз, как у него

начиналось обострение. Жизнь для Изабеллы превратилась в ад, но она никак не могла с ним расстаться. «Мы с Андре так сильно любили друг друга! Жаль, что он не сохранил о нашей любви никаких воспоминаний и смотрит на меня как на незнакомку. Даже хуже – как на врага».

Изабелла мне писала письма, один раз в год – в январе. Письма ее я хранила в коробке из-под обуви, они являлись для нас особыми посланиями, напоминая нам, что мы обе не должны отречься от своей борьбы. Она почти никогда не упоминала о моем потерянном ребенке, но я понимала почему, это читалось между строк, полных любви и преданности. Письма Изабеллы неизменно заканчивались фразой: «Желаю тебе прекрасного Нового года». И я ощущала в стандартной формуле ее призыв не терять надежду, даже если силы для надежды иссякли.

Так было до сегодняшнего дня, ибо жизнь моя вновь озарилась светом, раз я нашла свою дочь.

Той осенью, дело было в ноябре, я предупредила Изабеллу, что Гортензии грозит опасность. Изабелла была настолько милой и любезной, что, сама не зная почему, я рассказала об этом именно ей. Трудно объяснить некоторые свои поступки, но я почему-то сразу ей доверилась.

Я попросила ее немедленно мне сообщить, если она заметит возле яслей подозрительного незнакомца, высокого брюнета, или в случае если кто-нибудь явится и попросит разрешения увидеться с Гортензией. Показала я ей и одну из немногих сохранившихся у меня фотографий Сильвена.

– Остерегайтесь этого человека, – сказала я. – Если увидите, сразу же дайте мне знать. И главное, не позволяйте никому приближаться к Гортензии.

Как я и думала, Сильвен предпринял такую попытку. Однажды утром Изабелла заметила человека, который вел себя странно, очень странно. Он прохаживался взад-вперед перед яслями, предусмотрительно оставаясь на противоположной стороне улицы. В точности исполнив мою просьбу, она немедленно мне позвонила. По ее описанию, это был высокий худощавый мужчина лет тридцати с темными волосами, выбивавшимися из-под шапки. Вне себя от тревоги, я тут же отпросилась с работы, сославшись на недомогание, и поспешила в ясли

забрать дочку, чтобы поскорее отвести ее домой.

Когда я за ней пришла, подозрительного незнакомца уже не было, но начиная с этого дня мы подружились с Изабеллой.

Я заставила Изабеллу пообещать мне, что она не будет спускать глаз с Гортензии, поскольку знала, что Сильвен возобновит свои происки.

– Хотелось бы мне увидеть лицо этого подонка, – произнесла она.

– Осторожнее, это опасный обольститель. Полное дерьмо...

Но я не сказала, до какой степени Гортензия была на него похожа, это причинило бы мне слишком много боли.

Несколько дней спустя после этого случая я позвонила своей начальнице и сказала, что заболела. Пришлось солгать, но мне хотелось убедиться, что в яслях моя дочь в безопасности, и я весь день провела в слезке. Во второй половине дня, после тихого часа, когда ребятишки высыпали наружу, чтобы поиграть во внутреннем дворике, я увидела, как Сильвен приблизился к ограде, окружавшей здание. Прячась от воспитательниц, он пытался подзвать Гортензию. Вне себя от бешенства, я выскочила из своего укрытия так внезапно, что он отпрянул от ограды и убежал, так ничего и не добившись. Когда Изабелла ко мне подошла, он давно уже скрылся из виду.

Снова я принялась ее умолять не позволять ему приближаться к дочери и заговаривать с ней. Изабелла слово держала: она заставляла Гортензию уходить внутрь, несмотря на ее протесты, стоило ей заметить поблизости незнакомых людей. Весь день она почти не расставалась с моей дочкой до тех пор, пока я за ней не приходила. Если же Изабелла бывала свободной по вечерам, она иногда провожала нас до дома, весело приговаривая по пути: «Наша сила – в единстве!»

Сильвен стал ее навязчивой идеей, совсем как это было со мной.

Иногда Сильвен преследовал нас на улице, случалось и такое. Ужас готов был парализовать меня, но я старалась овладеть собой, чтобы суметь ему противостоять. Оставив Гортензию позади, в нескольких шагах, я приказывала ему убраться вон, грозила, что вызову полицию и обращусь к прохожим за помощью. Поначалу он пытался меня убедить, взывая к своему праву отца. Но я оставалась непреклонной, даже когда он, жалкий тип, прибегал к слезам. Наши столкновения были краткими, обычно он обзывал меня «грязной сукой» и старался преградить мне путь. Но все было напрасно, он понимал, что должен отступить, чем все в конце концов и завершалось.

Тогда я возвращалась за дочкой, застывшей на месте и дрожавшей от страха. Малышка ничего не понимала, конечно, и обрушивала на меня поток вопросов. Но разве могла я сказать ей правду? Да я и не хотела. Я говорила, что это сумасшедший, но что ей нечего бояться. «Таких ненормальных, как этот дяденька, в Париже полным-полно», – твердила я, чтобы ее успокоить, и снова повторяла, что она никогда не должна разговаривать с теми, кого не знает. Покупка в булочной слойки с шоколадной начинкой обычно смягчала неприятное происшествие, Гортензия успокаивалась и вскоре о нем забывала.

Однажды дочка, правда, заставила меня по-настоящему страдать. «Он очень симпатичный, этот сумасшедший дяденька», – сказала она. Я сильно разозлилась, и в тот раз Гортензия лишилась слойки.

Прошло еще несколько недель, и Сильвен перестал нас преследовать. Зато непрестанно нам названивал, в любой час дня и ночи. Не надеялся ли он, что однажды трубку возьмет Гортензия? Поначалу я боялась снимать трубку, хотя и не переносила звонившего впустую телефона. Всегда это была одна и та же песня: он хотел узнать новости о «своей дочери», интересовался, спрашивала ли она о нем, надеялся услышать ее голос, поговорить с ней «хоть секундочку», умолял, унижался. Я бросала трубку, повторяя, что он не ее отец, а иногда взрывалась: «Да когда ты оставишь нас в покое!» Потом часами держала на столе снятую трубку. В итоге я сменила номер, и звонки прекратились.

Какой же я была идиоткой, поверив, что одержала победу, сломила его сопротивление... Когда я поделилась всем этим с Изабеллой, она выразила сомнение, что меня в какой-то степени насторожило.

– Такого рода люди легко не сдаются.

Как же она оказалась права!

В одно воскресное утро, раздвигая шторы, я снова увидела Сильвена: он стоял на противоположной стороне улицы с куклой в руке и не сводил взгляда с наших окон.

Даже не одевшись, как была – в халате, я тут же сбежала по лестнице и ринулась к нему, как фурия. Увидев меня и почувствовав реальную угрозу, он сразу исчез. Поднявшись к себе, я немедленно позвонила Изабелле, которая стала меня убеждать, что пришло время подать жалобу в комиссариат.

Туда я и отправилась следующим утром, оставив Гортензию на попечение Изабеллы, явившейся ко мне по первому зову.

Я почти ничего о нем не знала: где он жил, работал ли, знала только имя – Сильвен Дюфайе – да номерной знак машины, случайно застрявший в моей памяти. Но, может, он меня обманывал и в этом? Было ли имя подлинным?

Полицейский, к которому я попала на прием, мне не понравился с первого взгляда. Явно женоненавистник, высокомерный и подозрительный, он поинтересовался, является ли действительно этот Дюфайе отцом ребенка и признает ли свое отцовство, ибо «в таком случае это все меняет». А в конце беседы и вовсе заявил:

– Так почему вы все-таки против того, чтобы он виделся с дочерью?

Вот тут меня и прорвало.

– Человек, преследовавший нас неделями, оставивший меня беременной, – бросила я в лицо этому ничтожеству, – это он-то отец? Гортензия моя, и только моя дочь, никаких прав на нее у Дюфайе нет! Я посоветовала полицейскому заниматься его работой и сделать все возможное, чтобы защитить нас – меня и мою дочь. Тот, естественно, нахмурился, но по крайней мере принял жалобу, больше не вдаваясь в детали.

– Если отец, простите, тот человек снова появится, немедленно нас предупредите, – со вздохом произнес он и, когда я уже уходила, добавил: – Все это очень прискорбно.

Только гораздо позже я узнала, что происходило тогда в комиссариате девятого округа.

У полицейских на руках ничего не было, кроме номера автомобиля, но благодаря ему они и отыскали Сильвена. «Фиат» принадлежал одному из его двоюродных братьев, у кого он как раз и жил в то время в южном пригороде Парижа. Полицейские пригласили Дюфайе для беседы, и, как я узнала потом, он явился в участок абсолютно добровольно. Сильвен сказал, что ничего не понял из этой бессмысленной истории, что, мол, он никогда и никого не преследовал. Последние годы, объяснил он, ему пришлось провести за границей в силу «производственной необходимости». По этой причине он не мог заниматься воспитанием дочери, поскольку из-за длительной командировки был вынужден с нами расстаться. «Я никогда никому не делал ничего плохого, это не мой стиль, по природе я, скорее, пацифист, знаете ли», – заявил он с беспримечной наглостью. Он, дескать, и понятия не имел, откуда взялись мои «измышления», но, к несчастью, он и был вынужден со мной расстаться потому, что у меня начали проявляться признаки психического расстройства. Увы, со временем мое положение только усугубилось... Сильвен даже уверил полицейских, что «давно перевернул эту страницу» и мы с Гортензией его больше не интересовали. «Может, когда-нибудь в будущем мне и пришло бы в голову познакомиться с дочерью, но уж никак не в ближайшее время». И он даже пригрозил, что подаст встречную жалобу, если я не перестану на него клеветать. Единственным его преступлением, по словам Сильвена, было то, что он вступил в связь с сумасшедшей. Он даже уточнил, негодяй, словно бросая мне вызов: «Я-то готов признать мою дочь, я ей так и сказал, но вот она, она никогда на это не согласится!»

Полицейский, взявший у него показания, был именно тем неприятным человеком, который беседовал со мной, когда я подавала жалобу (чертов Моранди, никогда его не забуду!). Моранди объяснил ему, что, не имея никакого законного права на Гортензию, он должен перестать упорствовать и отказаться от намерения с ней видеться.

– Что это значит – упорствовать? – возмутился Сильвен.

И он позаботился о том, чтобы обеспечить себе алиби на те часы, что упоминались в жалобе о преследовании. Все было шито белыми нитками, но кто стал бы его проверять?

У Сильвена был редкий дар вызывать к себе симпатию, играя роль жертвы, и Моранди сказал, что он, конечно, все понимает, однако советует ему держаться от нас на расстоянии хотя бы первое время и не показываться в местах, где мы бываем. В итоге полицейский едва ли не попросил у него извинения за причиненное беспокойство.

Поблагодарив, Сильвен заверил, что постарается следовать его советам, будет держаться подальше, и больше в участок его не вызывали.

Узнав все это от одного из коллег Моранди уже после похищения Гортензии, я сделала все возможное, чтобы полицейского наказали за допущенную халатность, и добилась своего.

Моранди позвонил мне сразу же после разговора с Сильвеном.

– Думаю, он усвоил урок. Ваш бывший больше не станет вам докучать.

Что за лицемерие! Я его поблагодарила и поскорее положила трубку, чтобы он не успел попросить меня проявить бо?льшую снисходительность к Сильвену. Заверениям его я, разумеется, не поверила. Вне всяких сомнений, полицейский тоже поддался обаянию этого мерзавца, чьи способности мне были известны.

Иными словами, я не потеряла бдительности, скорее наоборот. Единственной моей союзницей по-прежнему оставалась Изабелла, которая продолжала наблюдать за всеми, кто приближался к зданию яслей.

Сильвен перестал звонить, я больше его не встречала, он уже не ошивался ни возле яслей, ни на улице Мучеников. Изабелла не переставала меня успокаивать:

– Вероятно, в его жизни появился кто-то другой. Может, он и вовсе уехал из Парижа.

Но я-то его хорошо знала, этого упрямого негодяя, и всегда оставалась начеку, ни на секунду не забывая об опасности. Увы, если не считать того злосчастливого вечера...

Да, я была настороже, несмотря на обнадеживающие речи Изабеллы, а может, именно из-за них: «Со мной Гортензия в полной безопасности», «я храню ее как зеницу ока». В итоге я приняла решение забрать дочку из яслей. Я была обязана удвоить бдительность – от этого человека можно было ожидать чего угодно.

– Как же ты уладишь дело с работой? – встревожилась Изабелла.

И я солгала, чтобы ее успокоить:

– Мне удалось найти подходящую няню на дневные часы, пока не подойдет время моего отпуска и Гортензия не поступит в детский сад.

На самом же деле дочка проводила дни в одиночестве и никогда не капризничала. Какой умницей, развитой и находчивой она была для своего возраста! Малышка со всем на удивление ловко справлялась, играла, читала книжки или рисовала. Обычно я забегала домой к обеду, кормила ее и давала задание раскрасить картинки к моему приходу. Я называла это уроками, и Гортензия относилась к ним со всей серьезностью. Да и с работы я старалась улизнуть пораньше, часто уходила сразу после обеда, сказавшись больной. Потом подошло время отпуска, а после я снова брала больничный... Лишних вопросов мне никто не задавал, да и, по правде сказать, на работе я уже мало кого интересовала.

Теперь мне кажется, что эти дни, проведенные с Гортензией, были самыми светлыми и безмятежными в моей жизни. Подумать только, она сама мне читала книжки! Конечно, малышка знала наизусть их все, сотни раз прочитанные вместе, но с тех пор как я забрала ее из яслей, прогресс в ее развитии был разительным, так что я ни разу не пожалела о своем поступке.

С того дня, как я направила жалобу в комиссариат, прошли месяцы. Отныне я была убеждена, что она спокойно покрывается пылью, валяясь среди сотен таких же бессмысленных документов. В конце концов и я забыла о Сильвене, поверив в то, что он никогда нас больше не потревожит.

Как можно было допустить глупость и безответственность, открыв входную дверь и не думая об опасности? И сейчас, двадцать два года спустя, этот вопрос, который я продолжаю себе задавать, по-прежнему причиняет мне страдание.

Показания старшего капрала Жан-Франсуа Моранди,

58 лет, 15 июля 2015 г. Выписка из протокола.

[...] Сильвен Дюфайе (мы установили подлинность имени, в чем сомневалась мадам София Делаланд) явился точно в назначенное время для проведения дознания по поводу жалобы, поданной госпожой Софией Делаланд. [...] Я готовился увидеть перед собой неуравновешенного субъекта, сломленного отказом госпожи Делаланд в ответ на его просьбу разрешить ему видеться с дочерью. Должен сказать, что к тому времени я сам недавно развелся, и жена всячески противилась тому, чтобы я встречался с детьми. Их у меня было трое, трое малолетних детей... Не исключаю того факта, что личные обстоятельства могли повлиять на мое отношение к данному делу. Однако Сильвен Дюфайе мне показался доброжелательным и прекрасно владеющим собой человеком, в то время как мадам Делаланд, с которой я беседовал, когда она подавала жалобу, произвела на меня впечатление особы странной, даже истеричной... Сильвен Дюфайе допустил, что он мог быть биологическим отцом Гортензии. Спокойным, готовым к сотрудничеству – таким он выглядел, во всяком случае внешне. За те три четверти часа, что длился наш разговор, он изложил свою версию произошедшего и, надо сказать, был убедителен.

Я нашел, что подательница жалобы многое преувеличила, говоря о преследовании, и, принимая во внимание явно параноидальный склад ее личности, принял осознанное решение не давать ход этому делу. [...]

Когда ребенок был похищен, жалоба, разумеется, вновь всплыла на поверхность. Мадам Делаланд захотела свести со мной счеты, и мне поставили в упрек, что я не оказался провидцем. Конечно, я и сам себя винил, но мне пришлось дорого за это заплатить: моя карьера была загублена из-за профессиональной ошибки. Меня загнали в девяносто третий[10 - Речь идет о департаменте Сен-Сен-Дени (Сена-Сен-Дени; код – 93), расположенном к востоку и северо-востоку от Парижа.], и звание старшего капрала я получил не так

давно, за несколько месяцев до выхода на пенсию. [...]

9

София

Я совсем выбилась из сил. Дождь это или пот струйками бежал по моему лицу – не знаю. Побагровевшая, с мокрыми волосами, наверняка я выглядела ужасно. Нет, прежде чем что-нибудь сделать, я должна была собраться, привести себя в порядок. Я не могла показаться Гортензии в таком виде, она приняла бы меня за сумасшедшую.

И все-таки я ее нашла – все ликовало внутри у меня, нашла! Я не должна снова ее потерять, это было бы уж слишком несправедливо.

Прежде всего обуздать свое волнение. Я принялась глубоко дышать, этому я научилась еще много лет назад, когда имела глупость последовать совету Изабеллы и начала посещать курсы йоги. Она уверяла, что занятия принесут мне пользу, но я очень быстро их бросила. Мне было скучно, и потом, я с трудом выносила сочувственные взгляды инструкторши, которой Изабелла с такой недалёковидностью рассказала о моем несчастье. Бедняжка инструкторша так старалась мне помочь, столько трудилась, и все же я послала их куда подальше – и ее, и эти дебилские курсы. Однако я успела освоить навыки контроля дыхания. В моменты стрессов, а они с тех пор случались нередко, признаюсь, это мне помогало. Но настолько сильного стресса, как теперь, у меня, пожалуй, не было уже много лет.

Не спуская с Гортензии глаз и наблюдая, как она быстрым шагом удалялась, собираясь свернуть за угол улицы Трюден, я начала выравнивать дыхание. Глубокий вдох. Задержка дыхания на несколько секунд. Медленный выдох, воздух выходит тоненькой струйкой. Повторила еще раз. Больше и не потребовалось, я обрела что-то вроде спокойствия. Я была готова. Теперь я могла за ней идти.

И я устремилась по ее следу, делая большие шаги и постепенно ускоряя ход. Наконец я снова увидела Гортензию перед собой, метрах в ста, после чего она свернула на Наваринскую улицу.

Сейчас я ее догоню, пройду вперед, потом обернусь и все ей скажу. Да, так и сделаю. Найду простые, искренние слова. Гортензия будет поражена, разумеется, не поймет сразу, но не сможет остаться нечувствительной к моему тону, голосу. Я просто в этом уверена.

Она не сможет не узнать свою мать.

Я почти бежала, вот она – рядом, я могла до нее дотронуться, Гортензия была так близко, что я ощущала легкий фруктовый аромат ее духов. Вдохнула его с наслаждением, затем сделала несколько глубоких вдохов, пришла пора переходить к действию, медлить больше нельзя.

Но, когда я уже готовилась ее обогнать, Гортензия вдруг резко свернула и забежала в отель-ресторан «Моя любовь». От неожиданности я остановилась и потеряла несколько секунд. Когда я крикнула «Гортензия!», дверь уже захлопнулась. Она меня не услышала. Да и крикнула ли я на самом деле?

В отчаянии я стояла как столб посреди мокрого тротуара. Интересно, с кем у нее было назначено свидание в этом ресторане? Таков был первый вопрос, пришедший мне в голову.

Через окно я смотрела, как Гортензия сбросила промокший плащ, повесила его на крючок вешалки, потом достала из сумочки щетку и провела ею по белокурым волосам. Как же я любила их когда-то ласкать и причесывать! Потом она небрежно, быстро, поцеловала двух девушек, на которых были такие же, как и на ней, короткие джинсовые юбки. У одной из ее подружек в руках был поднос с пустыми стаканами, и она тут же ушла. Мужчина, стоявший за стойкой, подзывал Гортензию к себе, постукивая о наручные часы. Мне ничего не было слышно, но я догадалась, что он делал ей внушение за опоздание. Махнув рукой, он дал ей понять, чтобы она поспешила взяться за работу. Гортензия исчезла в глубине зала, через несколько секунд появилась вновь, взяла со стойки блокнотик и уверенным шагом направилась к столику, стоявшему возле окна. Я попяtilась, отошла немного в сторону, по-прежнему не сводя с нее глаз. Ни одно ее движение от меня не ускользало. Улыбающаяся, внимательная, она

записала заказ и повторила его довольно громко. Клиенты – две парочки лет под тридцать – небрежно кивнули, подтверждая, почти не глядя на нее, словно моей дочери для них не существовало. Она подошла к стойке и вернулась с графином воды и бутылкой белого вина, ловко ее открыла и налила в бокал одному из мужчин. Тот попробовал и одобрительно кивнул, после чего она налила всей четверке.

Итак, моя дочь работала официанткой. В модном ресторане, который находился в нескольких шагах от моего дома.

Мне стало не по себе, и я оперлась рукой на стекло, оставив на окне жирный отпечаток.

Я часто проходила мимо этого ресторана и любила наблюдать за публикой, в которой не было недостатка. Сама я туда никогда не заходила. Таким, как я, там не место, и потом, я привыкла есть только дома. В моей квартире, где меня уже давно никто не навещал, нам хорошо вдвоем – мне и моему одиночеству.

В последний раз я была в ресторане вместе с ним. Сильвену захотелось, по его словам, отметить очередной счастливый вечер, проведенный со мной, и мы решили поесть морепродуктов в ресторане традиционной кухни на площади Клиши.

Я парила в облаках, как и всегда, не испытывая к нему ни малейшего недоверия. Как у нас уже было заведено, я сама расплатилась по счету: на этот раз он сказал, что забыл взять бумажник. Перед уходом, когда Сильвен надевал куртку, я заметила этот самый бумажник, выглядывавший из брючного кармана. Да, собственно, какая разница! Мне хотелось лишь одного – поскорее оказаться дома и дождаться момента, когда он меня, стиснув в объятиях, повалит на кровать.

С тех пор я не хожу в рестораны еще и потому, что не выношу воркования этих людей, которые кажутся такими счастливыми друг с другом, хотя каждому есть что порассказать.

Вряд ли наши дороги с Гортензией пересеклись случайно. Рано или поздно я обязательно заметила бы ее в этом отеле-ресторане, который находился совсем близко от моего дома.

Наконец такой шанс мне представился, и не когда-нибудь, а сегодня.

И мне нельзя его упустить.

Слезы текли по моему лицу, и я их не вытирала. Слезы счастья сливались с дождем, который еще усилился, пока я возвращалась.

Сейчас я поднимусь к себе. Переоденусь. Позвоню Изабелле. Не важно, что она будет говорить, какие выскажет сомнения. Я покрашусь, наведу красоту, впрочем, слово «красота» уже давно лишено для меня всякого смысла. И почти сразу же пойду назад, полная решимости и спокойствия, чтобы рассказать дочери историю нашей жизни. Открыть ей истину.

Я сгорала от желания снова ее увидеть.

Словно мы расстались вчера. Стерев одним движением долгие годы страданий, отныне я принадлежала лишь своему вновь обретенному счастью.

И, открывая дверь в квартиру, я все еще плакала от радости.

10

София

Сколько раз мне казалось, что дочь где-то поблизости? Сотни раз, больше? Особенно в первые месяцы, в первые годы после похищения. Стоило мне заметить маленькую девочку со светлыми волосами, как я уже не сомневалась, что это она – моя Гортензия. Происходило это постоянно и где угодно – на улице, в метро или магазине. Безумие надежды завладевало мной, и больше я себе не принадлежала, видя только этого ребенка, напоминавшего ту, которую у меня отняли.

Я не могла сопротивляться и бросалась вдогонку. Сколько раз я приближалась в моей неутолимой надежде к чужим детям, почти касаясь их, безразличная к тем, кто был с ними рядом и смотрел на меня с подозрением и готовностью немедленно вмешаться? Несколько секунд я не отрывала от них взгляда, прежде чем убедиться в ошибке. Разочарование было настолько сокрушительным, что я и не помышляла об извинениях. Отвернувшись и почти всегда плача, я убегала, не раз услышав в спину: «Сумасшедшая!» Но разве могло это меня задеть? Я была безутешна.

В то время я исходила Париж вдоль и поперек, оттягивая момент возвращения домой и надеясь случайно встретиться с ней или хотя бы с моим палачом.

Как-то октябрьским субботним днем, ближе к вечеру, когда я выходила из «Галери Лафайет»[11 - Французская сеть универмагов.], я действительно поверила, что нашла свою дочь. Я придержала дверь, чтобы пропустить вперед арабку лет пятидесяти. Белая чадра наполовину скрывала тонкое лицо женщины, которая пробиралась с трудом, обремененная множеством пакетов да еще громоздкой прогулочной коляской. Когда женщина со мной поравнялась, я невольно опустила глаза и взглянула на коляску. В ней сидела девочка, одетая в прелестное голубое пальтишко. Я готова дать руку на отсечение, что моя Гортензия была как раз такого возраста. Льняные локоны, голубые глаза, милая улыбка – это была она!

На этот раз, лишённая сомнений, я заставила себя сдержаться, чтобы не перейти к действию незамедлительно. Не так уж это было бы трудно – оттолкнуть женщину, схватить дочь и броситься со всех ног прочь, унося ее в объятиях. Но вокруг было полно людей, меня быстро бы догнали, Гортензия могла испугаться, а я не собиралась пугать дочь в момент нашего воссоединения. Я просто двинулась вслед за ними в сутолоке улицы Лафайет, несколько раз обгоняла их и оборачивалась, чтобы полюбоваться личиком дочери и убедиться, что это не сон.

Женщина свернула на улицу Рише, потом остановилась на улице Каде перед новым зданием со стеклянными дверями. Я вошла вслед за арабкой в холл, придержав за ней дверь, и сделала вид, что ищу нужное имя в интерфоне. Краешком глаза, не переставая наблюдать за ней, я увидела, как она, достав малышку из коляски, взяла ее на руки. Потом женщина вошла в лифт, прежде разместив там свои пакеты. Едва дверь лифта закрылась, я сразу к нему

приблизилась и проследила, на каком этаже он остановится. Как только лифт остановился, я бросилась к служебной лестнице и взбежала на шестой этаж. Я сразу же определила квартиру – это была вторая справа, я до сих пор это помню – по шуму и голосам, раздававшимся за дверью. Звонкий голос принадлежал, как я решила, молодой женщине, которая радостно поприветствовала ребенка. Я услышала, как она поцеловала девочку и с беспокойством спросила, не замерзла ли она. Тоненькие переливы голоса Гортензии были точь-в-точь такими, как раньше, когда мы вместе играли.

Последние сомнения исчезли. Я позвонила.

Дверь мне открыла молодая блондинка с девочкой на руках. От возбуждения щечки Гортензии покрывал нежный румянец. На лице женщины отразилось удивление, как только она меня увидела, затем она любезно улыбнулась, отчего моей уверенности поубавилось. Не давая ей времени что-либо сказать, я произнесла твердым голосом:

– Вы вернете мне Гортензию!

– Гортензию?

Она была скорее удивлена, чем напугана этим чудовищным заявлением. Арабка встала позади блондинки в воинственную позу, и я увидела, как она схватила со столика бронзовую статуэтку. Тогда я, повернувшись к ней, сказала:

– Вмешиваться не в твоих интересах. – И продолжала настаивать: – Вы немедленно вернете мне дочь, или я вызову полицию!

Решительным жестом, но без всякой паники молодая женщина передала девочку-Гортензию няньке и сделала той знак удалиться. Арабка наградила меня ненавидящим взглядом черных глаз и скрылась с ребенком и статуэткой в глубине квартиры. Было слышно, как в двери повернулся ключ.

Но, когда блондинка отдавала малышку и та повернулась в профиль, я успела заметить на ее шейке довольно большую темную родинку.

На безупречно чистой, белоснежной коже Гортензии не было никаких родинок.

Я зарыдала в голос.

– Да чего вы все-таки хотите, мадам? – спросила мать девочки, по-прежнему не теряя самообладания.

Другая на ее месте пришла бы в бешенство, позвала на помощь или просто захлопнула дверь перед моим носом. Хороша же я тогда, наверное, была – вспотевшая, с блуждающим взглядом и растрепанными волосами.

Сохраняя полную достоинства невозмутимость, молодая женщина быстро окинула меня взглядом с головы до ног и вместо того, чтобы поскорее выпроводить, что я бы сделала на ее месте, предложила мне проследовать за ней в гостиную. Подчинившись, я рухнула на диван, полностью разбитая, и принялась бормотать сумбурные извинения.

– Все в порядке, Джемиля! – проговорила она громким голосом через несколько мгновений, когда мои рыдания начали стихать. – Вы можете вернуться с Виргинией и, если вам не трудно, подайте нам чай.

Молодая женщина взяла дочку на колени; ребенок испуганно махал ручонками, и мать принялась его ласкать, чтобы успокоить, и попросила меня рассказать, что произошло, подвинув ко мне чай, принесенный нянькой. Если не считать Изабеллы, я ни в ком еще не видела столько душевной теплоты. Не в состоянии больше сдерживаться, я поведала ей о своем несчастье, говорила больше получаса, и она ни разу меня не прервала.

Рассказ мой не вызвал у нее сомнений: казалось, он живейшим образом ее взволновал, до того, что она взяла мою руку в знак поддержки. Она даже предложила мне дождаться мужа, кажется, адвоката, который, по ее словам, мог дать мне дельный совет. Но я предпочла уйти, потрясенная, умирающая от стыда, и уже сожалела о своей ненужной откровенности. В дверях она меня обняла, протянув визитку с номером телефона и заставила пообещать, что я буду держать ее в курсе и как-нибудь приду в гости. «Меня зовут Таня», – сказала мне она.

Когда дверь лифта закрылась, я услышала, как маленькая Виргиния спросила тонким голоском:

– Что это за дама, почему она плачет?

А мать ответила с нежностью:

– Ах, она очень несчастна, бедняжка.

Визитку я выбросила и никогда больше там не появлялась, не в силах вновь окунуться в эту атмосферу семейного счастья.

С того дня я перестала видеть дочь в каждой встреченной белокурой девочке во время моих прогулок. Полиция уже много недель, а потом и месяцев тщетно пыталась найти Сильвена. Теперь он наверняка находился далеко, возможно, уехал из Парижа или даже страны.

На счастливую случайность я больше не полагалась.

И тем не менее разве не случай свел нас вместе в тот вечер на улице Трюден? Или это было вмешательство судьбы?

Не важно. Главное, я нашла Гортензию. Я себя не обманываю, я твердо знаю. Откуда, скажете, такая уверенность?

Материнский инстинкт – неоспоримая реальность, это нечто, затаившееся в глубине моего существа, мне подсказывало, что моя дочь рядом.

Черты ее – черты лица того ребенка, которого я воспитывала с любовью. Лицо Гортензии – лицо той взрослой девушки, которую я лелеяла в своем воображении, видела во сне, – всегда одно и то же лицо, неизменно.

И потом, еще одна деталь, которую только я могла узнать. В тот момент, когда Гортензия отдавала мне зонтик, на ее лице на долю секунды мелькнула вопросительно-лукавая гримаска, которую я так хорошо знала. Гримаска, которая появлялась у нее всякий раз, когда она протягивала мне куклу и заставляла ее поцеловать.

Это была она, я могла поклясться чем угодно. И будь я проклята, если я снова ошиблась.

София

Мне не хотелось больше думать обо всех этих годах, прошедших в поисках и ожидании. И особенно не хотелось признаваться себе, что я уже почти утратила всякую надежду. Разумеется, Гортензия забыла о мимолетном эпизоде с женщиной без возраста, об этой безымянной тени, в которую я превратилась. Но теперь я снова жила.

С аппетитом налегая на десерт, я видела перед собой только Гортензию, мою дочь. В тот вечер я себе ни в чем не отказывала: заказала полный ужин с закуской, горячим блюдом и яблочным крамблом на десерт, который был восхитителен (разве не казалось мне в тот день все по-особенному вкусным?). Обычно я не пью вина, однако тем вечером заказала полбутылки Пойака[12 - Наименование красных вин, которые производятся в винодельческом регионе Пойак в Медоке (Франция).] за целых двенадцать евро.

Я купалась в своем блаженстве, расслабленная, чуточку захмелевшая. Какое замечательное слово «захмелевшая», так обычно говорят не о пьяных, а о тех, кто уже не совсем принадлежит себе от выпитого.

Итак, я именно захмелела. Тщетно пыталась я стереть с лица глуповатую улыбку, которая вновь и вновь появлялась на губах, и я ничего не могла с этим поделать. Наверное, выглядела я чудаковато, казалась подвыпившей простушкой, странной кумушкой неопределенного возраста, неизвестно как затесавшейся сюда, где в основном проводила время золотая молодежь. Захмелевшая простушка... Но мне было на всех наплевать, честное слово.

Дело близилось к полуночи, но мне хотелось, чтобы этот вечер никогда не кончался.

Когда я вошла в ресторан, я уже знала, что собираюсь делать. Перед этим я долго говорила с Изабеллой по телефону. Она была очень возбужденной от

услышанного и слегка посмеивалась над тем, что была вынуждена оставить мужа в туалете одного со спущенными штанами на целых полчаса. Ведь то, что я ей сообщила, было «неслыханно», «волшебное». Зная Изабеллу, я могла от нее ожидать осторожной реакции – удивления, сомнения, ведь действительно вся эта история была настолько необычной и прекрасной... Нет же, она выслушала меня почти с восторгом, и я запомнила некоторые ее высказывания: «как же я рада за тебя» (что естественно); «скоро ты ему отомстишь за все, наконец-то» (это правда!); и особенно это – «пусть тебя не заносит, не испугай ее». Пока мы разговаривали и спорили с Изабеллой, ей удалось окончательно меня убедить, что не стоило спешить с признанием.

– Ты нашла свою дочь, это невероятно, потрясающе. Но, умоляю, не бросайся с места в карьер. Ты должна потихоньку ее приручить, иначе рискуешь снова ее потерять, на этот раз навсегда. Ведь ты ее совсем не знаешь. Только представь, как бы ты сама отреагировала, если бы кто-нибудь встал перед тобой и заявил: «Привет, я твоя мать, мы не виделись с тобой двадцать два года, и, возможно, ты никогда обо мне не слышала. Но все это не важно. Главное, я знаю, что ты моя дочь. Давай обнимемся, детка!» Да она примет тебя за одержимую или психопатку и будет права!

Изабелла убедила меня. Мы решили, что вместе будем продумывать каждый ход.

Но когда ресторан почти опустел и обычных клиентов сменили ночные завсегдатаи, которым не спится, и они приходят сюда пропустить последний стаканчик, соблазн сделать признание овладел мной с прежней силой. Мне пришлось приложить невероятные усилия, чтобы запретить себе ринуться с объятиями к дочери.

Весь вечер я просидела в укромном уголке, в глубине зала. Мой столик Гортензия не обслуживала, зато я могла смотреть на нее сколько хотела. Я наслаждалась каждым ее появлением передо мной.

Бог ты мой, как же она была прекрасна и грациозна!

Интересно, обратила ли она внимание на невысокую неприметную даму, сидевшую в самом плохо освещенном уголке зала? Нет, она не бросила в мою сторону ни одного взгляда. Да у нее, по правде говоря, и возможности не было

прохлаждаться. Какая же она все-таки молодец, моя доченька!

Ни минуты отдыха, беготня от столика к столику, бесконечные просьбы и претензии, и все это с улыбкой. Тут пережаренное мясо, там слишком холодное блюдо, туда графин воды, сюда соль, перец, сделать музыку потише, закрыть окно... Гортензия всем улыбалась и успокаивала нетерпеливых, которым казалось, что их слишком медленно обслуживают. Сколько же внутренней силы требовалось, чтобы не только сохранять выдержку перед гостями, но и освобождать все эти столики от грязной посуды, на которых клиенты оставляли ей крошечные чаевые... Я наблюдала, как Гортензия весело переговаривалась с другими официантками, может быть, они судачили о каких-нибудь особенно неприятных клиентах. Судя по их заговорщическим взглядам, когда они потихоньку обменивались шуточками, как девчонки-подростки, они наверняка обсуждали свои «мелкие пакости», которые только что совершили на кухне, до того как направиться к столику с любезным выражением лица и подносом в руках. Я вполне допускала, например, что они могли плюнуть в тарелку, прежде чем обслужить какого-нибудь зарвавшегося хама!

Но и другое я заметила: как Гортензия старалась почаще наполнять бокалы, чтобы раскрутить гостей на очередную бутылку. О, да она большая умница, моя дочка!

Итак, сидя в своем уголке, где меня обслуживала некая Юлия, кстати, очень хорошенькая, только слишком уж накрашенная, на мой вкус, я наслаждалась ужином, не упуская ни единого жеста, ни одного движения моей Гортензии.

Я не могла ею налюбоваться, так она была прелестна – тоненькая, изящная. Мне приходилось без конца урезонивать себя, припоминая наставления Изабеллы, чтобы не поддаваться непреодолимому желанию встать и открыть ей, кто я на самом деле. И кто – она.

Шел уже первый час ночи, я прекрасно продержалась весь вечер, однако теперь нужно было уходить. Но я уже знала, что завтра приду снова и сяду за столик вверенной ей части зала. Завтра я просто с ней заговорю, пока не открывая правды.

– Через какое-то время ты с ней познакомишься, – советовала Изабелла. – И помни, ни в коем случае нельзя ускорять события. Главное, чтобы она была там

и ты не потеряла ее снова.

Но когда прелестная Юлия с утомленным личиком положила передо мной счет, который я попросила (пятьдесят два евро, однако!), я увидела, что Гортензия надела плащ и, обращаясь к сослуживцам, произнесла:

– Всем пока! До завтра!

Одна из официанток ответила ей, приветливо помахав рукой, а босс за стойкой, важный, как папа римский, заметил:

– Спокойной ночи, Эмманюэль. И не забудь, смена начинается в восемнадцать тридцать, минута в минуту.

– Идет, минута в минуту! – весело подхватила дочь.

Она окинула взглядом зал. Готова поклясться, что на мгновение он задержался на мне, и она улыбнулась. Мне не удалось улыбнуться в ответ, Гортензия уже убегала – было видно, что она куда-то спешит. Может быть, мне только показалось, и все же я хотела в это верить.

Через окно, усеянное дождевыми каплями, я видела, как она подбежала к скутеру. Водитель в шлеме с матовым козырьком, не вставая, протянул ей второй шлем. Перед тем как Гортензия его надела, он фамильярно потрепал ее по щеке. Оставив на столике три купюры по двадцать евро, я поспешила на улицу: в это время она как раз усаживалась сзади мужчины, обхватив его за талию. Скутер тронулся и помчался к концу улицы. У меня всегда было хорошее зрение, да и улица была ярко освещена, и, несмотря на мелкий дождик, бивший меня по лицу, я прищурилась, чтобы разглядеть номерной знак. Но увидела лишь две буквы – «В» и «Т», а цифр не различила. Мне только и удалось, что проводить глазами мою дочь, исчезнувшую в ночи с незнакомцем. Что она, интересно, сейчас говорила тому, кто, не посмотрев на непогоду, приехал за ней на работу? И куда они направлялись?

И мне снова показалось, что Гортензия посмотрела в мою сторону, прежде чем скутер свернул налево.

Эмманюэль, так ее назвал босс.

Мерзавец Сильвен даже не оставил ей настоящего имени.

Когда я вернулась домой, мысль эта, вместо того чтобы выбить меня из колеи, лишь подстегнула сочувствие к моему несчастному ребенку.

Мне не терпелось пересказать все события этого вечера Изабелле. Даже если пришлось бы ее разбудить.

То-то же она удивится, когда узнает, что этот негодяй дал моей Гортензии имя собственной матери.

12

София

Эмманюэль Дюфайе вызвали в полицию через двое суток после похищения. Она пришла одна. Так я узнала, что его мать была вдовой. Поль, его отец, умер от рака четырьмя годами раньше. В то время, когда мы жили вместе, отец Сильвена был уже серьезно болен, однако я ничего не знала и даже не была с ним знакома.

А мне тогда очень хотелось познакомиться с его родителями, но Сильвен говорил, что почти не поддерживает с ними отношений. На самом деле он был единственным сыном в семье – братьев у него не было, но зато имелась сестра, и жили его родители вовсе не в захолустной лотарингской деревушке, а в Жиффюр-Иветт[13 - Город в 20 км к юго-востоку от Парижа (департамент Эсон), расположенный на реке Иветт.], в Эсоне. Он уверял меня, что, несмотря ни на что, он с родственниками отлично ладит и однажды мы с ним обязательно у них побываем. Мать якобы была социальным работником, а отец – врачом. «Славные старики, – говорил он, – жаль, что мы так редко видимся». В самом начале нашей связи я задавала ему много вопросов, ведь со своими родителями я его познакомила почти сразу, и мне казалось естественным проявлять интерес к его родне. Ответы Сильвена всегда были односложны: разумеется, совсем скоро он

все организует, родители будут счастливы со мной познакомиться и тому подобное. Вот только момент подходящий никак не наступал: слишком уж далеко, ему сейчас некогда, они только что отправились в путешествие... Предлоги, чтобы отложить визит, следовали один за другим, и со временем я перестала об этом думать.

Порой я спрашивала себя, а так ли уж я этого хотела? В конечном счете его семья меня мало интересовала. Для меня был важен только он. Что Сильвен оказался лжецом, манипулирующим людьми, паразитом, живущим за чужой счет, мошенником – я ничего этого не видела.

Прояви я чуть больше любопытства, его вранье быстро бы вскрылось, и тогда, возможно, ничего бы этого не произошло.

Стоявшая передо мной женщина с непроницаемым лицом была высокой и стройной. Элегантной, как и ее сын, ухоженной. Увяла она уже позже, много лет спустя. Худа она была до болезненности, а длинные черные волосы, забранные в хвост, придавали ее облику строгую законченность. При виде его матери я поразилась ее сходству с Сильвеном, и в сознании мгновенно вспыхнуло: перед тобой – враг.

Помню ее первые слова, произнесенные почти с презрением:

– Ах, бедное мое дитя...

– Помогите, умоляю вас! – Я и правда умоляла.

Там, в коридоре комиссариата, до того как полицейский увел ее на допрос, я подошла, чтобы ее обнять. И она обхватила меня руками – слишком слабо, слишком неубедительно, словно уже успела войти в роль «несчастной матери, неспособной повлиять на события». Затем она отошла назад, держа меня за кончики пальцев, и, пока я бормотала «помогите мне, помогите!», продолжая рыдать, не сделала ни единого жеста, чтобы выразить сочувствие.

Наоборот, вперив в меня колдовские глаза, она проговорила таким сухим тоном, что внутри у меня все похолодело:

– Мне ничего не известно. Я даже не подозревала о вашем существовании, сын о вас никогда не рассказывал.

Чистой воды ложь, вот что это было, однако она продолжила, и слова ее прозвучали обвинительной речью:

– Как же так получилось, что вы до сих пор не удосужились меня навестить?

Взбешенная ее агрессивностью, я выпалила первое, что пришло мне в голову:

– Сильвен говорил, что у него нет никого из близких, что все вы погибли в автокатастрофе, и он воспитывался в приюте, где-то под Мецем[14 - Мец – город в Лотарингии (Франция)].

Все это было, конечно, сказано очень по-детски, даже глупо, но ее нападки меня сильно обидели, и теперь я с удовольствием наблюдаю, как моя ложь угодила в цель. Ее это точно задело, и я порадовалась своей мелочной победе. Но я снова совершила ошибку и очень скоро в этом убедилась. Вместо того чтобы сделать ее союзницей, я заполучила врага, да еще какого!

При первом взгляде на нее в коридоре участка, напряженную, угрюмую, я уже понимала, что ей нельзя доверять. Интуиция редко обманывает. Мне бы стоило действовать похитрее.

Конечно, у меня ни в чем нет уверенности, поскольку эта тварь уже умерла и похоронена, но я думаю, она знала, где находились Сильвен и Гортензия. И что она неустанно поддерживала сына все эти годы.

Умерла Эмманюэль Дюфайе от рака, как и муж. Так ей и надо, стерве, подумала я, когда узнала эту новость.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Использование личных местоимений множественного числа относится к особенностям стилистики французских официальных документов и деловых писем. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Нем – блюдо вьетнамской кухни наподобие фаршированного блинчика, но меньшего размера.

3

Одна из самых посещаемых достопримечательностей Парижа, на ней работает множество уличных художников, шаржистов и пр.

4

«Школа досуга» – издательство детской литературы.

5

«Альманах почтальона», или «почтовый календарь», – справочно-информационное издание Почтовой компании Франции, распространяемое почтальонами среди населения.

6

Уменьшительно-ласкательная форма от имени Жером.

7

Кламар – городок в десяти километрах к юго-западу от Парижа.

8

Пемполь – город в Северной Бретани (Франция).

9

Марсельское мыло – традиционное французское мыло ручной работы из Марселя.

10

Речь идет о департаменте Сен-Сен-Дени (Сена-Сен-Дени; код – 93), расположенном к востоку и северо-востоку от Парижа.

11

Французская сеть универмагов.

12

Наименование красных вин, которые производятся в винодельческом регионе Пойак в Медоке (Франция).

13

Город в 20 км к юго-востоку от Парижа (департамент Эсон), расположенный на реке Иветт.

14

Мец – город в Лотарингии (Франция).

Купить: https://telnovel.com/eksper_zhak/gortenziya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)